

№ 4

АПРЕЛЬ

1 9 3 4

СМЕНА

ИЗД-ВО
ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“

КАРИКАТУРА ДОЛЖНА БЫТЬ ОСТРОУМНОЙ

Новый постоянный отдел «Смеши» — Страница художника — вывала ряд отличий. В редакцию поступала и поступает карикатура самостоятельных художников. Однако все они страдают двумя грехами: неумением автора остроумно оформить тему и слабостью самого рисунка.

Так, т. Крадинов нарисовал карикатуру по поводу плохого хранения семян. На его рисунке изображен большой мешок, на котором написано (по-чому-то вычурным шрифтом) слово «семена». Вокруг мешка стоит какой-то человек с несоразмерно длинными руками.

Подпись: «Опportunист», «Куда торчитесь?» Кстати, т. Крадинов пишет «опportunист». Очевидно, это слово ему незнакомо, а пора бы знать и его правописание и его политическое значение.

Ни разрешения темы, ни самый рисунок ничего не дают читателю. Тема, как ее толкует автор, нисколько не вяжется с фактом безобразного хранения семян, а рисунок не вяжется с темой.

Тов. Ищенко дает рисунок на тему о несогласованности распоряжений инженерно-технического персонала на строительстве. Сметный инженер рисует в каторжески темной, а старший десятник в это время дает приказ бетонщикам приостановить работу. Тов. Ищенко по этому поводу рисует на черном фоне три фигуры. Под фигурами слева надпись: «Давай», справа надпись: «Не надо», под средней подписка: «Кого слушать?»

Тема карикатуры не разрешена. Плох и рисунок. Непонятно, зачем автору понадобился символический черный фон. Да еще, т. Ищенко рисует карикатуру на конкретные лица, фамилии которых он сообщает в аннотации. Кажется, надо было бы зарисовать эти лица портретно, со сходством, тогда бы рисунок приобрел остроту и свежест. А этого нет: все три фигуры в рисунке на одно лицо. Карикатура не достигает цели: она не смешна, не остра, она просто плоха. Тем же качествами страдает и второй рисунок т. Ищенко.

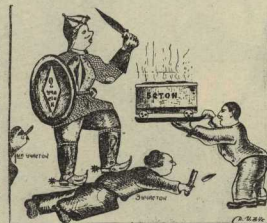
О т. Барабаше мы уже писали. Приданный им рисунок: милиционер, стоящий у светофора, не желающий давать справку прохожим. Тов. Барабаш хочет за это уверить милиционера, а между тем милиционер прав, а т. Барабаш несправ. Милиционер, стоящий на посту, обязан не отталкивать детей сранов, он обязан регулировать уличное движение, для того чтобы вы, т. Барабаш, сами не попали под авто или трамвай.

Тов. Моторина надрисовал трюнк: кулака, пона и лодыря. Они идут «мимо правления колхоза» — так называется карикатура.

Несмотря на несовершенство техники рисунка карикатура т. Моторина выгодно отличается от предшлагающих рисунков тем, что у него лица персонажей не похожи одно на другое: у пона, кулака и лодыря — у каждого свое лицо, свой тип. Особенно удачно схвачено выражение лица у кулака — чувствуется и горькая обида на то, что его выгнали из колхоза, и яростное кулацкое озлобление. Типы пона и лодыря менее удались автору. Рисунок показывает, что у т. Моторина есть способность схватить тип, подметить и передать в рисунке выражение лица. Но в изображении кулака у т. Моторина есть основная ошибка: кулак зарисован толстым, раздвоенным.

Ни разрешения темы, ни самый рисунок ничего не дают читателю. Тема, как ее толкует автор, нисколько не вяжется с фактом безобразного хранения семян, а рисунок не вяжется с темой.

Карикатура невыразительна и неостроумна. Лица лишены индивидуальности, а ведь речь идет об определенных лицах, широко известных рабочим.

Все три фигуры на рисунке на одно лицо. Карикатура не достигает цели: она не смешна, не остра, она просто плоха.

Миллионер, стоящий на посту, обязан не отталкивать детей сранов. Он обязан регулировать уличное движение, для того чтобы вы, тов. Барабаш, сами не попали под трамвай.

Несмотря на несовершенство техники рисунка карикатура тов. Моторина выгодно отличается от остальных рисунков тем, что у него лица персонажей индивидуализированы.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки	
Лев Писункин. Операция в районе Керчи	4
И. Шацков. Футболисты	6
М. Гальперин. Любовь и Мальчик Изаид	9
В. Павлова. Осман Демитриос	10
Им. Лебедев. Заключенное сердце	14
Е. Савинов. Стальное рыцарство	16
М. Ромов. Невоспитанная женщина	18
С. Давыдов. Культура и шпала	21
М. Павлова. Штраф в чепеле	22
Л. Мукавич. Герои спускают (фотоочерки о челябинцах)	12—13
Стихи	
Я. Сиваковский. Мелкие ритмы	3
И. Белинский. Бразилия	5
Евг. Абрамович. Сто метростр.	7
Бор. Лебедев. Вальс	7
Д. Павлова. Письма об Влгоде	19
Страницы художников	
М. Мануильский. Карикатура должна быть остроумной	2
Лаборатория творчества	
И. Богданов. Об одной беседе	11
Творческий смотр молодежной литературы:	
С. Карамызов. Шпала, Абрамович, Вальс	20
Рассказы и стихи:	
А. Голубович. А. Голубович, Б. Шаталова, Кеня, В. Вранская, А. Панасовского.	
Фотос и М. Троимосового, Д. Гушина, И. Метельского и Сокофова.	
На обложке: Туркменские комсомольцы на демонстрации. Фотограф Г. Бельманович.	
Обращение номера худ. Кемп.	

ЗДРАВСТВУЙ, ПРАЗДНИК ПЕРВОМАЯ, ЗДРАВСТВУЙ, ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ГОДУ!

Яр. Стелянов

Рис. Е. Еванга

МАЙСКИЕ РИТМЫ

1
Надо мной весна повисла,
Сухая и законная:

Первым делом
В первых числах
Ты услышишь месяц май.

А его всегда слышали
(Шла гроза. Шатался сад),
Про него стихи сагала
Двести лет тому назад.

Поэтики да инженеры
Начинали...

Но рассказ —
Не о том идет.

Во-первых,
Первым делом,
В первый раз
Я люблю и ветер зыбкий
И срывающийся свист,
Славите первую улыбку,
Первый дождь
И первый ливень,
Гром, расшавший с разбега,
Птиц, летящих косяком,

Запеленную телегу,
Пешехода — босиком...

2

А на Западе май
По бульвару проходит.
Большое
Руки держит в карманах,
Опустив голубые глаза,
Но всегда поднимает —
Но сонные и не тупые, —
Настоящая в них
Громыкает мелезом гроза!

И на Западе май
По дорогам идет коммунистом.
Выпускает газеты,
Выстает,
На всех перекрестках встает.
За решетками тюрем,
За лубочкой революцион свистом
Я глава его вижу:
Он нашей дорогой идет!

Но на Западе он
Подымается, но убивает.
Миллионы выжидает.
Тюремные двери дрожат.

Занимают вокзалы,
Снимают правительство,
В мае
Пролетарии Запада
Черных врагов победят!

3

Лично мы работаем в три смены,
Это наша работа — судить,
За убийств комсомольцев Вены
Мы сейчас кланемся отомстить.
Лично мы, ударные бригады,
Заявляем, чтобы слышал мир:
«Тележку и Торпеду — свободу!»
(Пишет под диктовку бригадир).
Лично мы, ударные бригады
(Под огнями, звездами, дождем),
На своих торжественных парадах
С босскими ружьями идём.
Лично мы на разные угрозы
Громко отвечаем:
— Не замая!

Место любим и траву, и грибы,
И цветы, и звезды.

Здравствуй, месяц май!

ЕВАНГА

ОПЕРАЦИЯ

В РАЙОНЕ КЕРКИ

У нас появились три хороших людоч, которых я бы все же назвал механиками индустрии. Слово «механик» здесь не следует понимать в общинном смысле. Оно обозначает человека, искренно увлеченного прогрессом техники, победившего пролетариата нашей страны в области создания индустрии, человека, лиричательно читающего естественные науки: «кулово», «металла», «энергия» — в наших газетах, человека, с увеличением объема читающего доктор и магистрат в стратифору! — словом, обо всем том, что не имеет прямого отношения к профессии ледового человека. В способности, если давний человек по профессии плавает, преподавать химию и математику, таким был мой собеседник Наум Александрович Шарвиц.

На этот раз я выслушал обстоятельный доклад на области оптики. Эта область имела некоторые отклонения к профессии Наума Шарвица, если принять во внимание то обстоятельство, что знаменитый физик Гельмгольц был в то же время болашим музыкантом.

Вы волонтер в бывшей обсерватории петербургского кутца-маломодера — с горячностью говорит Наум Александрович Шарвиц. — Пошлятица, ашпугитца, дельтаво колония — так называемый марианский стол, но под названием вместо алоусту — сильная иллюстрация работы. Внизу бьется медь и металл электрических машин, мрамор распределительных досок, Углеродный социализм! (Вы видите тут как Дилетрозо? Мочка). Исте даяцца... В одной комнате — зеточка электрических искр, маленькая флюороваля молния; восемдесят тысяч вольт — шучюки? Тут кончается обсервация и начинается новое здание института. Пахнет краской, сосисками, стужаками. Вы походите в темную комнату. На мое несчастье, институт показывала инженерям, и директор (прекрасный человек, и потом раскляку) объяснял по-английски, но я об этом все было забыто.

Перед вами станок, вращающийся станок для шлифования стекла. Дело идет об шлифовании большого рефрактора для Пулковской обсерватории. Стеклоный круг, имеющий метр в поперечнике, вращается на вращающемся станке. Потом его будут шлифовать особым составом, в который входит смола (здесь ее туго стговалась в воздухе). Когда стекло отшлифовано, его будет проверять оптический аппарат, пропускающий через стекло световой луч. Туманности будут указывать на прозрачности стекла, и тогда назначается главная работа. Мастер шлифует стекло вручную; требуется поразительная точность — не тысячные, а миллионные доли. Попадаю работы вручную, всего три года работы — и зеркало для рефрактора готово. Во всем мире только два человека шлифуют стекла для рефрактора: австрийский Риччи (который работал в Америке) теперь он работает в Париже... У нас есть свои Риччи.

— Как вы туда попали? — спросил я. — Это поэма. В прошлом году в хирургической клинике я повязкомма-

ся с одним товарищем. Интересный случай. Ему срезают кусок кожи на груди и руках. Отырало «спяса, господи» на груди и орам на руках. Отырало без зирора! Покойной человек, боляное сердце. Кружный работнич—директор научного института, и вдруг орам на руках и «спяса, господи». И без наркоза! Врачи говорят—не пинуть! Интереснейшая личность. Отлика, сложнейшее дело. И представьте себе, кто он в прошлом...

— Моряк, — сказала я, — фамилия Казаков. Знаю.

— Окуда вы знаете?

Знаю, — ответила я. — Представьте, знаю...

И надидурное солнце басуло мне в глаза и река в бурях и рынках отрезала. Воспоминания, поблещание но итине как фотографии в вооруженном пароходе «Самсона» диним чардуйские ночи под наезденной крышей вагона; босой кавалерист в красных галфе, читающий под обложкой арбы томик Расина; командир вооруженного парохода «Самсон», амурдариновской военной флотилии Григорий Иванович, — друг моей юности; широкая оука его, клябимая царским орденом, — широкая и сияющая рука, которую он протянул мне в око вагона «Чардуй—Москва».

В июне 1921 г., в самый зной, когда таюг горные снега, Амур-Дарья раздвинулся и подошла влоутно к городу Чардуйю. Тройка по борьбе с наводнением мобилизовала гарнизон, мориков амурдариновской флотилии и жителей. Они копали рыи и не пускали реку в город. Река остановилась в тридцати метрах от реки. Музыканты ушли спать. Тройка объясняла себя распухнутой. Командующий флотилии Миша Малинин, молодецком, поднялся на поющую крышу дома, где по случаю дульных чехов заходила спать молодежковен.

В пятом часу утра его потрошила командир вооруженный пароход «Самсон» затонула у самого берега, в четырех километрах от Чардуйя.

Но сомкнув в эту ночь глаза, Миша вернулся на

реку. Командир порта и судовой инженер спорили о том, когда именно снимать машину; сейчас уже позже, когда река уйдет и оставит «Самсона» на отмели. Все, что отстояло от парохода, покуда на корню уполовиненный Турксовнархоз.

Когда от «Самсона» отсталась на поверхность примерно половина трубы, большой голый человек походил на поверхности воды. От стеновой ледяной воды он был румян и розов, но вискомыю не торолось, он вникал на берег и, как быа, подошел к командующему и командору.

— По историчии, досадили слоку с хорабла, — сказал он, спешивая в воду.

— Как и падаетесь командир, — иронически сказала командующий. — Называйте на робу, Григорий Иванович, есть о чем поговорить.

Между тем уполовиненная кинула все, что отсталось от парохода, расы металла на мотки и лоды и теперь любовалась рисунком и надписью, изображенными легкой рукой татуировщика на широкой груди командира парохода «Самсон». Звезд была изображена кустроская бескозырка с ледяными, два адмиралских флага и надпись «Спаси господи, люди твои». Имя «Тамуси» и дата «1909—Севастополь» тоже умещались на небольшом участке кожи.

— Какое и это мученье, — умчалась, сказала уполовиненная.

В шесте часов утра, когда от «Самсона» отсталась уже на поверхности гребть трубы, командующий остался дома дымсисие в штаб туркорофити.

«Командир вооруженный пароход «Самсон», спущенный на воду в 1884 г., затонул по неизвестной причине. Выполнение операции в районе Керки обрешено, озеро, буржирские пароходы «Водлей второй», Командование десантным отрядом возложено на бывшего командира «Самсона» НР. 1411/С».

Широкая передала в Ташкент. Бывший командир вооруженного парохода «Самсон» приступил поверх выгала музери и принял командование десантным отрядом.

Операции в районе Керки заволагулась в следующем: бутарский пароход и две желевые баржи поднимались по течению Амур-Дарьи и выдвигались между Керкиами и Термомом сто двадцать мориков с двумя пулеметами. Они должны были отрезать от арфакской гавани басмачей верхнего Куш-Беги, то есть банду бывшего великого эмира омира бутарского, а в армию как один дивизион теркиа эту банду в районе бывшей желевонной лорони Керки—Бузары. Поля командующий десантным отрядом получил вульт, разлет штаба флотилии принял ответ штаба фронта. Перед Мишей Малининым лежала ледяная бурма, на котором было изображено буржирно следующее:

...Дорвич воткнул командирю в вену на сгибе локтя толстую и довольно тупую иглу...

Рассказ

1
Подосел поезд. Паровоз еле заметно хрюкнул, выдвинул из трубы облачко.

Было, видите, равноденствие или что-нибудь из лунных и ржавых солнцем вагонов. Они размазаны корнями, портянками и ирландскими. Они отряхивали с себя городскую пыль и, опавшие озябшие по сторонам, переходили через рельсы.

Поезд уже победил дальние. Был он совсем и легким как все вокруг и, казалось, содвинул своим приходом в добавление к темным лесам, цветущим полями и яркому, сочному из синего и белого небу.

По дороге от станции к потонувшей в зелени деревне торпача была приехавших городских ребят. То и дело кто-либо из них нагло давал неловкие встречи панфилам. Они размазаны кожными чомоданчиками, забегали по очереди вперед, громко смеялись и жестикулировали, точно звали солнечный погонщик каким-то босом вселенной в надежде на них.

Конечно, это футболисты. Капитан команды — Костя Сонов. У него узкое загорелое лицо, от которого веет силой. Он полной грудью вбрасывает воздух, и при этом подрает по раздуваются. Рядом с Костей сидит андас Вячеслав Коен, которого все зовут «Конец». Зовут его так не только из-за фамилии, а потому что Вячеслав действительно необыкновенно похож на маленького конюха. Туловище у него непропорционально велико, ноги мускулистые и пружинистые, а голова продолговатая. Дальше шли: Петр Ули, курящий и красноречивый, Василий Бугун, у которого лицо обтянуто красно-коричневой кожей как у человека, анемом ханской, с трудом поддающийся за товарищами Георги и, наконец, Тимка Динилин с невероятно длинными руками, которые он как обезьяна дергает назад алконом.

Всего их пятнадцать человек. Со следующим поездом должны приехать еще семь. Это были две футбольные команды клуба им. Кукуштерова, что кратко именовалось «Киев». В тот год клубный футбольный чемпионат состоял из нескольких команд, по третьей группе всемирного наездника игра первое место. Особно ребята должны были играть по второму. И... но ничего... с будущего года по первой из первенств Москвы! За город ребята садим нередко. Но согласившая повалка была особенная. Раньше садили в Мамонтово, Митхино, Тайнино. Встречались с командами из местных двачиков и рабочих. Это была очень серьезная противная, и в встрече с ними «новички» готовились так же как к классичным играм, потому что им дорога была честь своего клуба.

А сейчас — но об этом смейно даже говорить! — их вызвали... подиферный клуб козлов.

Козлов этот, которому название было «Красный кукуштерова», внешне расцвела свое футбольное поше. Если в прошлом году козловские ребята игралиazole изб, распутывая куру и попадая мячом в огородин и озни.

Для «новичков» это был несерьезный противник, и никто не сомневался в легкой победе.

— Наступим им штук 20 всухоу, — сказала «Конец», — будут звать...

— Небось, — у них и будет ни у кого нет, — откликнулся Ули, который никогда не упускал случая подчеркнуть, что у него прекраснее и, как он уверял, загравнее буги.

— Я у китавия изкого спрашивал: «Вы, мол, в какой мячик играете: в кожаный или в тряпичный? Если в тряпичный, то, говорю, снажи, не стесняйся, а то мы не привыкли, потренироваться нужно».

— А он что? — спрашивала ребята, хотя слышали все это уже десятка раз.

— Ну, ой, конечно, обиделся, покраснел... хотел было я его к чертям послать, а тут вот этот молодой человек, уважаемый капитан Костенька предобно вмешался. «Я, говорю, — дорогой товарищ, мячом являю принимаю. Очень рад. Идите нас в выходящий двор...» Ну тут, конечно, и я тоже!

«Очень, говорю, хорошо, а выходящий двор будет нас ждать, приезжайте, мол, дорогие гости...» А самото смех берет, не знало, как сдержаться.

«Конец» гримасничал и ходил раскорючкой, копируя козловского капитана. Ребята смеялись. Немного помолчал, «Конец» широким театральным жестом указал на Костю Сонова:

— А вот нашему предобному Костеньке не понравился, как я с вашим воляком говорил... якобы бы неуважение к подшпорному козлову... Конечно, неужели... — заметил Кости, — парень приехал к нам как к товарищам, а ты его размазывает.

— А ты ухватывайся за него, облетай поше, подумавши, пиди! Вель вот кудальты! — указал, нападничая назад!

— Ну, ничего, «Конец» мой, не волнуйтесь, — высказывая Тимка Динилин и извергает свое любимое остроут: — Девчонка, вероятно, здесь лет, а вотикара, который, пожалуй, дал нас извусие... и всево. Что касавемо футбола, будите покойнички, натыкам полные ворота!»

— Гитого, для тряпичного это хорошо, — реплет капитан Кости. — Побьем в один ворота. Вот только ни скучновато будет, — и он покосился на задишников.

С этими словами они подошли к козлову «Красный кукуштерова».

2
Козлов разлегал на горе. С одной стороны — зеленая стена леса, а с другой — поле ярки, картофель и капуста. В версте голубым бантом вырисовывался река.

Ребята быстро нашли козловский клуб (никого бывали здесь не раз), который служил и читальней, и театром, и местом для собраний. Около клуба маленькие ребятишки играли в кости-бабки... Кости поспутили окосились!

— А ю, где у вас здесь футболисты? Выходит! Из избы выскочил рыжий парень, у которого все лицо было покрыто брызгами коричневых вострашаний.

— Какие футболисты? Да они в Москву уехали...

— Да брось ты, не валяй дурака, давай, зови их, снажи: ребята из клуба Кукуштерова прискажут играть!

— А кукуштеровские... — радостно заумбалася парень. — Играть с нами, значит, хотеть? Это очень давно получавается. Явля, наши-то гавари все в Москве, тоже в футбол поехали играть.

— Ну да ты не трясись. Вам, соборай свезд. Мы же с вами говорили!

Рыжий недоверчиво посмотрел на футболистов. Потом, что-то решив, высочил на сорельную свободу, свистнул в два пальца и бросился бежать, точно за ним гналась стая собак. Когда он свистнул, «Конец» посмотрел торжествующе на товарищей:

— Ну вот, сами видите, что за народ... Терпеть не могу, когда эти лодыжи начинаются. Нашив, мол, хорошие игроки в Москве, да у нас, мол, настроения нет да еще что-нибудь... А все это для того, чтобы потом было чем оправдаться. Завезем мы эти штуки...

— Может, играть не стоить? — сказала ленивый Тюрин. — Может, лучше купаться пойти?

— Ну вот еще выдумали. Зачем же приехали, купаться? Сиграем, а тогда можно и в реку.

Пока ничего не было видно, ребята принялись считать, кто сколько побьет голом.

— Я на себя сейчас штук беру, буги и гад! — кричала Конец.

— Кто-то болдуешь, ухивая, а я—основал!—отсвалял левой край—Динилин.

— А я—буваднать!—варел Ули, и все пятнадцать человек поматились ко смеху.

— Итупое дело. Бальной вагон и маленький тележку, — воруила Тимка Динилин.

Полошая козловские парни. Они были в праздничных рубашках, а некоторые несмотря на жару предли в сумолах пиджаках. На многих была гластуси-самованы.

— Ну, сиграем, что ли?

— Отчего же, можно. Даже с превеликим удовольствием, — отвечал козловский, и все, переманившись, двинулись под гору.

Новое поле ровное и зелено как бильярдный стол. Трава аккуратно скошена. Отдержены тут же. Словом, все как в Москве. Перелески тут же. Положили сидеть у ворот. Большинство козловских оказалось в будках и трусах, только трое совсем маленьких ребятишек играли в топчачках, а один бек влезал играть босмом. Босоме команда козловских вытаскала осею странно и мало ловку состояла на мальчишек. Зато босой бек

дентрофорвард и правый край были огромными деревьями. Кавалек, что они готовы при первом же натиске совершить ворота противника.

... Выстроились. Со одной стороны—дзюкате, с красивой стороны футболки, с другой—разноцветные, пестрые как корабельные флаги майки и легкие рубашки.

По первому свистку судьи (чей будет судья, тауану ирреби—и посадов хозеван пола) игроки бросались друг другу навстречу.

Коста Сомов, спокойный и умелый игрок, как всегда легко и красиво рассасовывал мяч. Ловкие и пронырливые инсайды Кошек и Сергеев играли между игроками, проводили мяч до штрафной площадки, выносили его на край Василию Бутину или Ваньке Петрову, те подвалили к легкой «свободной» и пасовали опять на центр. Но все красивые комбинации инсайды маек разбивались о блестящую защиту колохозников. Босой бек с добродушной физиономией играл как бог. Его обвести было очень трудно. Из любого положения он «брызг мяч» и так здорово бил по нему, что мяч летал до ворот противника. Бек бил прямо пальцами и отним привидел московских ребят в ужасе и восхищении. «Как он по словает себе ноги?»—переворачивались они.

В середине тайма Кошек все-таки прорвался на бег и прорывавшим ударом забил первый из шести обещанных голов. Вскоре судья, который к удивлению «инкоуев» судил безупречно, за грубый толчок со стороны босого бета дал пенальти. Бил Коста и, конечно, засадила второй «свистчатый» мяч.

Тогда подвалили и колохозники. Они тоже подвалили мяч к воротам противника, но неумолимый, котик и мало изворотливый бек Тюрки и долговязый голкипер Сергей отрывали их атаки. Перед концом тайма колохозники получали в свои ворота еще один мяч.

... В перерыве, как всегда молчаливо, смачно слезывали на спяную, ариселеную траву, лежали на земле, смотрели в небо и перекуривали между собой из-за того, что мало убавил.

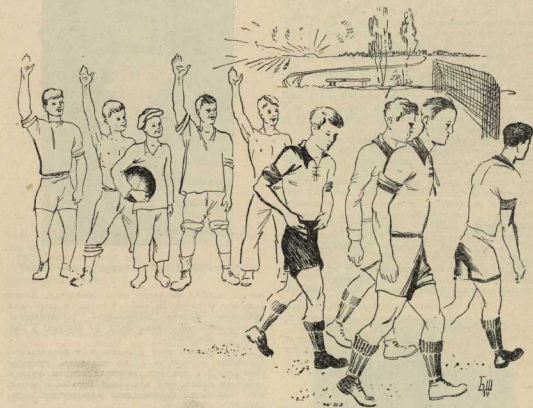

Веснучатый забил первый гол...

форварды клуба «Кюк» ушли защищать ворота, атаку ликвидировать не удалось. Колохозники вошли в азарт. Вскоре забил третий. «Хоть вы ирреби»,—с ужасом вскакиваю у Коста Сомова. И в это время один за другим в сетку московской «сеаи» еще два мяча.

... Уходили с поля, понуря опустив голову. Победители выстроились и дружно прокричали в честь родной традиционной «физ-культур-эра». ... Возвращались молча. Даже не говорили и не смотрели друг на друга, только заныли на остальных ребят за то, что не привезли к матчу (тогда можно было бы отомстить второй колохознику). Хранились один Кошек.

... Подумавши,—говорил он,—у них в судья бегом шло, подпрыгивал, и лучшие игроки против нашего неполого состава.

Уходили с поля понуря голову...

... Начался второй тайм.

Опять рванулись вперед форварды. Опять гнали мяч к чужим воротам. Но играть было трудно. Хавбеки противников цело держали линию защиты, и мяч все чаще переходил на сторону москвичей. Упорная и безрезультатная борьба длилась полчаса. Оставалось пятинадцать минут. Теперь «Кошек» бегал с раскрытым ртом и напрягла все силы, чтобы увеличить счет. Но преимущество хозяка мушкетировало уже основательно.

Колохозники не только не устали, но, казалось, только-только начинали размиргиваться (обычно у них тайм играют два часа). Их центрофорвард метнулся по площадке как тигр. Он не ждал больше отдавать мячей защите. Неправно Тимма Даниана, центроха, пытался «держать» его! Центр, а за ним все команда колохозников елемерно штурмовали ворота. И, наконец, он прорвался и «размочил» сетку. Начал с центра. С еще большей яростью бросались колохозники ребята вперед, и через две минуты забил веснучатый парек, который играл инсайды, рывки второй гол. Теперь уже никто из «инкоуев» не думал о громкой победе. Нужно было хотя бы удержать единственный мяч преимуществ. Но ушел! Хотя все.

3

ЕВГ. АБРОСИМОВ

СТО МЕТРОВ

Шум водопада хлещет в уши:
Звук, гул и грохот.
Но вот он становится тише,
глуше,—
И стар
обступают газы.
Команда вылетает вперед плато.
Руки корольники вымах,
И выматает из-под ног
Земля черноватый прах.

Дыхание сзади,
дыхание сбока.
Соперник рядом
высок в висок.
Камыши выстроены высоко,
Ступая
укаряет
о песок.
Зубы стиснуты до боли.
Просок вперед (страшно бешенно).

И
пробегает по груди голый
Летящий
сложно
присновиваете.
Трибуны волнуются, рожкощут нервно.
Полове думают: расклинаю руки.
И волжата струбля первая
Падает в логине мои со ступом.

ЛЮБОВЬ К МАРТИНУ ИДЗНУ

О КУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

— Это тебе не по разуму...
Нидолго завопила старик Лисова эти слова.
Белая курчавая голова гипсового Пушкина, висит на досках, книги и шкафы. Николай II в тисемном багете на стене и высокая охотка библиотексари. Чинивый се голосок произносит:
— Это тебе не по разуму...
Работник металлургического завода Гугона Федор Анков просит дать почитать «Отцы и дети» Тургенева.

На Федоре Лисове черная зашпоровавшая рубашка. Сильно дышит белая телка. Ишь прохвотки стоит еще в еще глаза. Рука немалко дергает картуза.
Рабочие зовут библиотексари «тетя-физиономист»,
«Тетя-физиономист», методу задавали по фигуре выдумщица, немалко выговаривает: «Этому чужакому Тургенева не давать. Зачем ему Тургенев? Застря еще Пехавнова посприот!» — и библиотексари выписывает заранее заготовленный топастей том:
— Вот ты будешь для тебя поэма...
«Житие Сергея Радонежского...»
Тыфу!

Через тридцать лет у сына Лисова, заводчица и комсомолка, спрашивают в анкете: «Что ты прочитал из Тургенева: «Отцы и дети», «Рудин»? Что ты читал Толстого? «Войну и мир», «Кавказ»? Знаком ли тебе Бодаль и думи Герцман? Интересовался ли ты Салтыковом-Щадриним? Кто написал «Горе от ума»?

Редакция «Смены» раздала анкеты всем цехам, где есть молодежь.
Сто молодых рабочих «Серпа и молота», бывшего Гугона, ответил на вопросы о театре, о музыке, о литературе, о городах европейских и азиатских стран, о стратосфере и шаропелле и о многих других вещах, которые должен знать культурный человек нашей страны.

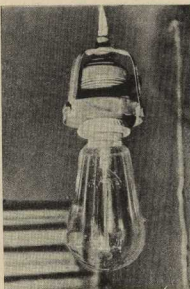
Заполнит анкету и слесарь и чернорабочий. Краповичи и стерженища. Электрообувальщик, работающий в скафандре, направляющий струю воздуха давлением в несколько атмосфер, и модельщик, изготавливающий в тисине деревянную форму. Полноразлича победитовых «овок», имеющая дело с сотнями миллиметров, и крошечный, работающий на лампах двадцативаттную болванку. Стапельщик, притягивший к козырьку синие стекла, чтобы лампа не ударилась в глаза, и тисувальщик, сделавший за малымном временем барабанов в предельном стапельномолочном цеху.

Мы услышим язык формовщиков и токарей, сварщиков и мотористов. Голос фабианцев и саушавшей комсомольской шкамы среднего образо-

вания. Отличников и людей, не славивших технического званьями. Девушек и парней. Восемнадцатилетних и двадцатипятилетних. Любителей кино и поклонников оперы. Завсегдатаев читальни и футболистов.

Мы выписывем ответы правильные и неправильные, ярые и псуемые, галдящие и корыстные. И найдем главное.

Сто человек ответили.
Что сразу останавливает внимание, когда перестышь язык анкеты?
Образование. Значас знания молодого человека, работающего на социалистическом предприятии.
Чаще всего мельзают ответы: 7 групп, 6 групп...
Давать подсказки.
Оказывается, только 22 человека да 100 именитое образование — 4 группы. Сорка два че-

Кто избрал элентрическую лампочку?

ловена явилась на завод после семилетки. Десять окончили 6 групп. Восемь — 5 групп. У семи — заводичное среднее образование (девятилетка). Остальные — выпускники ФЭУ (9 человек) и рабфака (2 человека).

У прохвотных стаяков и мартеров, у валолачных барабанов и прессов стоят молодежь, умеющая обращаться с дробями, знающая основы физики, знакомая с историей классовой борьбы и читавшая главные произведения классической литературы.

Так ли это на самом деле?
На контрольные вопросы, кто написал «Горе от ума», 54 человека отвечают правильно: «Грибоедов».

Но есть и другие ответы.
Краповичи-комсомолки Меньшвилов (20 лет, образование 6 групп): «Горе от ума» написал... Гоголь».

Стерженищ Дружищин: «...написал Островский. Стерженища Мария Кунина: «...написал Тургенев».

Но средибесных ответов всего 5 на 100 анкет. Больше половина не ошиблась. Остальные предпочли отомалчиваться, чтобы не попасть впрок. Очевидно, школьные знания не у всех прочно держатся в голове.

«Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Отцы и дети» Тургенева освоены большинством. В анкете перечислено 15 произведений великих русских писателей. Из 100 человек двое прочли все 15 книг, пятеро — 13, пятеро — 12, восемь — 11, восемь — 9, четырнадцать — 7, девять — 6, семь — 5, четырнадцать человек — 4 книги и т. д. Такое словесное произведение, как

Какой это полуостров? Какие государства расположены на нем?

«Былало и думи» Герцена, читало 19 человек, «Что делать?» Чернышевского — 29 человек.
Электрообувальщик алентного цеха Заваский отмечает на полях анкеты: «Читал все перечисленные книги, даже по нескольку раз». Только 5 из 100 ивиче не читали из классиков.

Еще выше познания молодежи в современной русской литературе.

Восемьдесят человек из 100 читали и перечитывали «Мать» Горького, 42 — «Дело Артамоновых», 55 — «Поднятую целину» Шоолохова, 60 — «Бруски» Панфилова, 21 — «Города и годы» Федина, 37 человек читало комсомольский роман Богданова «Первая девушка», 11 товарищ успело уже ознакомиться с новой молодой прозой — романом магнитофорного машиниста Авдеево «Я люблю». Вонки спрос молодого читателя на книгу о своем поколении.

Огромный интерес молодежи к истории связуют в следующие цифры: «Илезаемый металл» Серафимовича прочли 57 человек, «Митос» Фурманова — 56, «Пущин» Гюльков-Грибов — 41, «Петра 1» Алексея Толстого — 39 человек.

Здесь обязательно привести справку библиотеки «Серпа и молота», у которой мы запросили сведения о чтении молодежи. За три месяца 1934 г. из библиотеки выдано 28 161 книга, из них 15 395 явилась парни и девушки. Читали не только — и даже не столько — библиотеку: 20% являтых молодежью книг — телника, 21,3% — явуа, значительная часть являлась индивидуальной.

Среди 100 человек, заполнивших анкету, 80 оказались читателями этой библиотеки. У половины из них (только, у 49) есть еще кроме того на дому маломальше личное библиотечко.

Связок сетку артултых и острых букв, которыми мы узнаваем язык, зарисовываем культурный профиль среднего молодого рабочего.

В 18—20 лет (в этот возраст преобладающий в анкете) юный проработчик нашей страны обладает не только пронаводственной квалификацией четвертого—пятого разряда, но и ошутимым запасом общекультурных знаний.
Была бы только и библиотечко-читальня: многие вечера отданы театру, опере. Его любимые оперы: «Кармен» Бизе (13 анкет), и «Евгений Онегин» Чайковского (22 анкеты). Правда, некоторые приписывают музыку Евгения Стенгала Римскому-Корсакову, но уже сама ошибка такого рода свидетельствует о каком-то достигнутом уровне культуры.

32 человекам знакомо примерно 3 оперы, а девяти — свыше 3. Половина этой группы правильно выписала не только названия опер, но и фамилии композиторов.

Подручником слесаря, ассембляжистий Вурз, ученика заводского ТРАМ, безвысожно называет 18 опер, в том числе такие малопознанные, как «Кольцо Нибелунгов» Вагнера и «Хованщина» Мусоргского.

Аназ 2 человека из вопрос об опере ответили: «Не интересуюсь», «Кино лучше оперы». Городаж чело встречается ответы, подобные ответу девятинадцатилетнего бескартинного правнничана Воронкова, приехавшего в Москву два года назад: «Мало прихотилось смотреть». В этих словах — сожаление.

Музыка, художественное искусство знают все же значительно лучше, чем телнику и естественные науки. На вопрос, кто такой Рихард Вагнер, отметили 24 человека, а на вопрос, кто такой Томас-Лавра Эдиссон, — 43. О трудах Дарвина слышало 68 человек. О картинах Рифарая — 29.

На такой высоте начинается стратосфера?

Или один человек не сумел точно назвать произведения книги Рафаэля... Зато много написано в анкетах об Эдисоне. Формовщик Лилиан ограничивается указанием: «Эдисон — американский изобретатель лампы накаливания», в распределительной картине ставит Крамара подробно перечисляет: «Эдисон изобрел фонограф, электролампу, телеграф...»

О Дарвине почти все отвечает правильно, хотя и не совсем точно. Семидесятилетний формовщик Вайнер снисходительно называет старика Дарвина любителем насекомых. Другой товарищ допускает еще более рискованную формулировку: «Дарвин — великий... обильный урожай».

Анкета показала также, какие культурно-бытовые навыки укреплены в быту молодежи: привычка в газете (только 7 человек не выпысывают ни одной газетки); любовь к шахматам (42 человека играют); привычка чистить зубы (69 человек чистят, 19 не чистят, 12 не ответили); привратник с чистоте (38 человек меняют белье раз в неделю, 18 — раз в два, остальные — реже). Отвукую даю ушедшей порою, когда неопытность возводилась чуть ли не в космополитную добродетель, звучит от одного товарища на вопрос «Как часто меняешь белье?» «Люба грязно».

Почти никто не удовлетворен достигнутым уровнем культуры.

Недаром один из любимых героев этой молодежи — лондонский Мартин Изма, с его страстной тоской по знанию и великому познанию в борьбе за него. К этой любви приращивается и суровое осуждение: «Он пострадал не по-марксистски, понюхав с собой». Молодому пролетариату, овладевающему культурой в социалистической стране, великим и дилемм кажется юнец Мартин Изма.

Черновобраный Дубинский на вопрос, где ты сейчас учишься, отвечает так: «Кому нигде».

Настройщик прокатных стоек Крамаров отвечает: «До осени — нигде».

Эти «нигде» и «до осени» говорят о том, что люди не мыслят своей жизни вне учебы.

Сейчас лет три человека из 100 продолжают учиться в стационарных учебных заведениях: 14 — в работе технической школы, 12 — в техникуме, 16 — в комсомольской школе среднего образования, 6 — в авиационном вузе и др.

Люди сами чувствуют недостаточность своих достижений. Тот же кандидат Меньшиков, который посылал Гоголя автором «Горе от ума», обучается теперь на втором курсе комсомольской школы среднего образования. Он возобновляет и укрепляет знания, которые дал ему волею судьбы семиметра и тототоме ой ристера. Таких, как Меньшиков, много. Анализы раз ониг завода подтверждают правдивость идеи комсомольских общеобразовательных школ и добродетельности колхоза: «Кавказу комсомолу — среднее образование!»

«Танки городов и не слемивава...»

Так написала в своей анкете молодчица третьего разряда, комсомолка Митрофанова, окончившая семилетку, отвечая на вопрос, где находится город Мюнхен, Гингонон, София, Село, Харбин. Другие товарищи после этого «Мюнхен», Гингонон, по их мнению, находится в Японии, Мюнхен — в Китае, а Харбин — в СССР. Страница Норвегии Осло одним нахом переносится под зловещие лучи

африканского солнца. София с берегов Марицы перемещается в долину Рейна.

Таким образом, доказали, громидий на собраниях белогадильскому спору, даже не представляют себе, где именно находится центр этой споры на Даниином Востоке (манчжурской города Харбин), Комсомолец, гордый незнайство и немедным фашизмом, не может найти на карте города, где этот фашизм возник и развился (баварский город Мюнхен). Из членов бригады инст. Димитрова остаются в ближайшем неведении относительно города, где работала человек, имя которого бригада носит (болгарская столица София).

На «Серге и моладе» выступал Андра Мартин и другие иностранные коммунисты. «Серг и моладе» посылал комсомольца Бобчука в путешествие поворот Европы на теплоходе «Абохание». Мастера и инженеры получают технические комсомольцы в странах Европы и Америки. На заводе несколько тысяч часов МОПР.

И вот на заводе, десятками людей связанным со всем миром, продвигает такое невежество в области географии.

Только 37 человек из 100 правильно указали местонахождение Мюнхена, 20 — местонахождение Гингонона, 11 — Харбина и т. д. Путать здесь не только люди с образованием 4 курса, но и окончившие семилетку и ФЗУ.

Малопонятливая картина и с чтением иностранных писателей.

Линн 3 из 100 читал «Красное и черное» — гениальный роман Стендаля о молодом человеке XIX века.

Популярный роман американца Синклера «Дьявол Хиттинс» только 22 человека, а французского Пюссоса «42 и ардавала» — четверем. Исключение составляет здесь, пожалуй,

ЧТО АВТОР?

ГОРЕ ОТ УМА

Кто автор «Горе от ума»?

один Джек Лондон. Его «Мартин Изма» читали многие.

Иностранцы языка знает 7 человек.

Начиная анализ недостатков у молодежи интернациональной культуры.

Обращает на себя внимание и односторонность знаний молодого рабочего. Многие товарищи сдали технический экзамен на «отлично» и «хорошо», ответы на сложные теоретические вопросы о структуре стали и резине пели. И эти же товарищи уверяют, что стратосфера начинается с высоты... 300 км над уровнем моря, что шарообраз... это посл... шарообразной формы. Большинство просто не отвечает на этот вопрос.

Мы уже рассказывали, что Дарвина и Эдисона лучше знают, чем Вагнера и Рафаэля. Ответ интересен в этом же плане ответы о Ломоносове и Асарио да Винчи. О том, что Ломоносов физик и химик, знает 38 человек из 100, а о том, что он и писатель, что он сочинил ода и содалвал русскую грамматику, сачелало только 13 человек. Даве о Асарио да Винчи, для которого знания техника и балет все же второстепенным делом, 4 человек пишут: «Леонардо да Винчи — инженер, предкававший аэропроллера для летающих аппаратов», «Леонардо да Винчи — авиатор... Ученый», их работы вообще знают очень плохо. Обычно звание реинской картин «Иван Грозный и его сын Иван» дею здесь не идет.

Здесь склывается односторонность общего развития. Преобладающим местом культурного балета не ребит занимает техника своей специальности.

Если этот техникзм, эту узость культурного диапазона можно объяснить особенностями реконструктивного периода, то, во всяком случае, желанно усилить.

Многие молодые рабочие «Серга и моладе» блестяще отвечали на все вопросы анкеты. Такова анкета сталеваара Черепанова, давшего обстоятель-

На каком языке написан этот лозунг?

ные ответы на каждый вопрос. Такова анкета знакомого уже нам настройщика прокатных стоек Крамарова, сумевшего точно ответить и о Дарвине (Английский естественновед, доживший развитие знаний путем естественного познания) и о Рафаэле (Итальянский художник).

Некоторые активисты заводской организации комсомола, читая нашу анкету, смущенно почесывались и разводили руками:

— Ну, что делать? Вот и я не читал Стендаля, не читал Дю-Пюссоса... Но ведь вопросы нет!

Когда мы спросили у того же сталеваара Черепанова (он, кстати, и культурист в своем часу), как же у него знают на все время, он ответил: — Все эти разговоры о нехватке времени — чепуха. Времени предостаточно. Самое главное — читать, заниматься изо дня в день. Нельзя записывать. Хотя бы час, хотя бы полчаса, но обязательно по крайней мере... А ведь у вас комсомольские ребята не бегут никуда в руки по месяцу.

Центральный комитет комсомола постановил разработать для опыта на ряде предприятий мини-му и общекультурных учебных заведений, наряду с минимумами техническим и политическим. Опыт нашего обследования на «Серге и моладе» ярко подтверждает своевременность этого мероприятия и дает некоторый материал для разработки первого общекультурного минимума рабочей молодежи.

Библиотечно-участники библиотек «Серга и моладе», давшему задание списавшие анкетых «четвероинженеров», рассказывают нам интересные вещи. Последние дни в библиотеку стали заходить многие молодые рабочие с какими-то длинными листами в руках. Заглядывая в эти листы, они громко спрашивали:

— Стендаль есть? Гого «Оверженние» есть? Что-нибудь о Асарио да Винчи есть? О стратосфере есть?

Когда библиотечники констатировали, что это за рекомендательный список у ребят, то оказалось, что это... наша анкета.

Чистишь ли ты зубы?

СЕМЬЯ

ДИМИТРОВА

Димитров — имя пролетарского революнера-большешка, которое живет в сердцах миллионов. Его мужественное поведение на фашистском суде заставило даже классowego врага говорить о нем с уважением.

Димитров происходит из рабочей семьи.

Он родился в 1882 г. в г. Раздолье, недалеко от Софии, столицы Болгарии. С 12-летнего возраста Димитров начал работать по найму как типограф-наборщик. Два класса реального училища — этии исчерпывались школьное его образование. Страстная любовь знания заставляла его, способного, бороться за расширение школы, бороться за самообразование. Целыми ночами выкалывал прописки или в рабочей каморке за книгой.

Книжки, альбомы, вышивки заинтересовали и привлекли к своей работе революционной профсоюз деятельности.

Знания, полученные путем самообразования, выходящие способности и преданность интересам и делу рабочего класса быстро вывели Димитрова в ряды профсоюзного актива предприятия. Позже он стал одним из вождей объединенных профсоюзов Болгарии и социал-демократической партии «стеснянов», вошедшей в 1919 г. в Коммунистический интернационал и переименовавшейся в Болгарскую коммунистическую партию. После ссоединения Коминтерна Димитрова избирают членом его исполкома.

Димитров принял типичный путь пролетарского революционера. Член ЦК партии «стеснянов», а затем — комитари, секретарь объединенных профессиональных союзов и в 1913—1923 гг. депутат болгарского парламента по списку партии «стеснянов», он впрое в экономических и политических боях в борьбе с реформизмом, вырост вместе с болгарскими пролетарштом. В этих боях выкалывалось то мужество пролетарского революционера, которое с такой силой заставляло на лейфтинговом поединке. Это мужество Димитрова в глубокая убежденность пролетарского революнера оказывала влияние на всю его семью.

Семья Димитрова — это семья пролетарского революционера.

Отец Димитрова — рабочий. Он был чрезвычайно стойким, твердым и независимым человеком и пользовался всеобщим уважением и доверием. Под влиянием своего старшего сына Георгия он стал сторонником и активным помощником той партии, в рядах которой боролся его сын. Отец Димитрова умер в 1912 г.

Отец научил мать помогать детям-революционерам. Тяжело страдая матери-тружеником, терпящий под ударам классowego врага одного за другим своих сыновей, не сломился ее сил. Пролетарская мать все больше ссылавалась себя с гигантской борьбой, в которой дети ее с такой непоколебимостью добивались победы рабочего класса. Один из них, Константин, был секретарем революционного профсоюза типографов. Этого было

для болгарской буржуазии достаточно, чтобы держать его бесменно на линии огня во время балканской войны, в 1913 г. Он пал в бою, Младша его похоронили.

Другой, Николай, после 1905 г. поехал в Россию. Революционной работой, он разгулял в страну, где пролетариат под руководством партии большевистской восстал с оружием в руках против помещичье-капиталистической монархии. Здесь он вступил в ряды русской социал-демократии. В 1906 г. царские охранники захватили его в illegalной типографии в Одессе. Он был приговорен к вечному поселению в Сибирь, где погиб накануне Февральской революции.

Третьего, Тодора, замучили в софийской охранке в 1925 г. Он активно работал в болгарской коммунистической партии, помогавшей в руках пролетариата бороться с буржуазией. Он часто прибегал к помощи матери, когда надо было освоить нахождение от illegalной литературы. Для этой цели у матери приспосабливали бываа глубокие карманы под длинным фартуком. Но однажды она не успела добраться до матери, его схватили на улице, и он исчез.

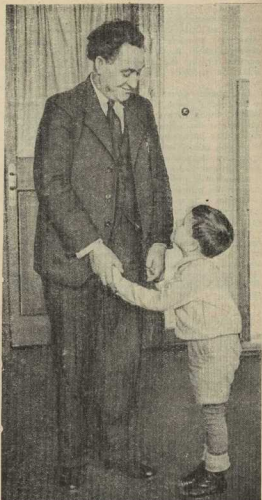
Карявными людьми пользовались и младшая дочь Лева. Комсомолка с юных лет, она не отделилась от братьев: комсомольская организация в Болгарии, illegalная как и коммунисты с 1924 г. имела в лице Лева одного из самых активных своих бойцов.

В семье Димитровых воспитывались с детства по уважению к подполью. Вель старший сын Георгий еще во времена полной illegalности рабочего движения в Болгарии должен был зачастую спрятаться от помещичьих преследований. Он был одним из вождей партии, которую больше всего ненавидели как буржуазия, так и реформисты. Он умно избегал полицейских ловушек. Во время империалистической войны он сумел на фронте проявить исключительное мужество. Во время германской забастовки железнодорожников он в подполье руководил ею. В 1919 г. он являлся одиаким из подполья в софийской муниципалитет, членом которого он был, членом комитета по организации коммунистической партии. Его появление вызвало всех. Его речь забесна буржуазных членов муниципалитета. Но тогда им не удалось его арестовать. Дело было хорошо организовано партией: телефонные провода перевернули, двери зала заседаний заняты рабочей охраной, которая в общей суматохе увела своего любимого вождя.

Позже Георгий Димитров, чтобы выполнить поручение ЦК коммунистической партии в отношении катехизического воспитания 1923 г. в Северозападной Болгарии, передотменил выехал на Софию и пробирался в центр страны. Он прибыл в подполье. Несмотря на четвертое звено illegalные встречи с просящими знания и отъезжающими товарищами, illegalные рекекции и типографии, illegalные публикации и конференция, он сумел выжить до этого времени.

5 марта 1933 г. Георгий Димитров поехал в руты германских фашистских бань. Верный ученик Ленина — Сталина, он со скандалом подулсям зашкварил брань, выдал, глумился и статственно своей партии — Коммунистического интернационала. Каждое его слово ловило весь мир. За стенами суда разверзлась грандиозная кампания международной пролетарской солидарности за освобождение и его товарищей.

В эту кампанию международной солидарности активно включилась и наша партия. Георгий Димитрова Параскева, похоронившая из далекой Болгарии. Она осталась на родине своего 18-летнего

Георгий Димитров с племянником.

племянника комсомолки, приговоренного к тюремному заключению за коммунистическую пропаганду, за распространение листовок в лагуну СССР.

Она спешила помочь сыну Георгию в той борьбе, которую он вел против объединенных сил фашистов.

Появление младшей старшей с лицом, изможденным трудом, горем и заботами, вызвало бурю внимания в многотысячных рабочих собраниях в Париже.

Радам с ней на отток собранных стогад и младшая ее дочь Лева, похоронившая в СССР.

В те южные дни 1925 г., когда болгарская буржуазия, воспользовавшись взрывом софийского собора, истребила актив партии и комсомола, Лева сумела пробраться illegalным путем в Болгарию в СССР. Здесь из комсомолки она стала членом illegalной партии большевистской. Во время суда над Георгием она пребывала в Лондоне на контрпропаганде, организованной для разоблачения чудовищного погрома в Лейпциге. Она, вместе с другими работницами в Париже, Брюсселе, Копенгагене, Цюрихе.

Мать, же Параскева на этих собраниях простыми словами говорила рабочим: «Я знаю своего сына, он не такой человек, чтобы устремлять подлежи. Боритесь, чтобы освободить его, его товарищей и всех рабочих».

Дочь Лева на этих собраниях разъясняла рабочим: коммунисты — против индивидуального террора, они не поджигатели, они открыто мобилизуют рабочих на массовое вооруженное сопротивление даа свершения капитализма, они продолжают путь советских рабочих и крестьян, добившихся победы и строящих социализм под руководством партии Ленина — Сталина.

Георгий Димитров, волеяк пролетарской революции, со своей подругой, ушла в социализм мировой пролетариат, в первую очередь германских рабочих:

— Массовая работа, единый фронт, инакши авантюри! Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление — вот суть и смысл коммунистической тактики.

На примере Димитровых, на примере семьи революционеров Димитровых будут воспитываться и расти под руководством Коминтерна новые и новые Димитровы — пролетарские революционеры-большевики.

Тов. Димитров в семейном кругу. В центре его мать Параскева с внуком.

Об одной беде

Передо мной три литературных произведения: Ивана Дрогачева, А. Кузнецова и А. Яковлева. Два из них присланы в «Смену», третье издавно «Советской литературой». Все они написаны о сегодняшней деревне, о которой творится постоянно неслыханное дело, а именно: мы не хотим читать газеты. Всем нам известны красивые факты. Полярной ночью мы оторвали старую-маленькую от охраны общественного имущества. Ребенок поймав на коросте собственного отца. Дед и внук вступают друг на друга—иниера... В одну ночь неосторожно взошла бедняжка, жившая в лотке. Показали деревья вдоль всех дорог, ведущих из волаков.

На этот фронт бросили партийные лучшие люди, чтобы помочь социалистической деревне строить свое хозяйство и культуру. Мы знаем их. Это волачки Сталина. Это не болачки и не волачки, это люди дела.

Все это мы знаем. Обрами эти волонтеры нас. Волаки поютю желание людей, желание писать, поделиться с другими тем замечательным, что они усердн поютю в колхозах, в буюной жизни деревни. И вот они берутся за перо. Иван Дрогачев, М. Кузнецов и А. Яковлев. Все совершенно разное дело из разных мест.

- «Стреле с ризней бородач оставило его:
- Вам докудова, товарищ!
  - До Безгалодки,—ответил Лесковский.
  - Садись, они рядом, по пути везуку.
  - Скажешь?
  - Пять рублей.
  - Что не дорого?
  - Да ты, батюшка, господь с тобой. Разн это дорого, у тебя ведь вон какие чумоданы-то чикаю.

Имени ничего не сказал: стоит им спорить. Вытаскивая чумодан, они отглажили взгляд на дорогу».

И так далее.

Цитаты эти взяты вперемешку из всех трех произведений, и только авторн могут рассказать, кому что здесь принадлежит: что Кузнецову и что Яковлеву.

Судая нашу действительность, обидная ее таинн прижимался, малюбным показом привела подоплаченные, все три автора идут дружно дальше. Вот нам покал работу неволаговладельцев:

- Намнем, товарищи!—спросил Надохватов, поднимая глаза от бугая.
- Давай, давай!
- У нас сегодня дел довольно много. Давайте ускорять. Товарищ Шурингун поведает тебе и поставит все вопросы. Давай, Шурингун!

Трубишь, музыкальный голос гремел во всю комнату. Товарищ резко, ставя вопрос ребром, что уборочная кампания должна быть проведена с успехом. Организовать массу, расставить силы. Салава дожились с некоторыми паузами, сразу было видно, что человек говорит глубоко прочувствованно.

— Вот, товарищи, полотнодел сначала один, а потом совместно с бобо, ривенн и директором товарищем Булуевым обсуждают результаты работы по салу. Собственно, не по салу даже, а скорее обсуждают вопрос о том, как были расставлены кадры, вправильно или как это работало.

Помните: в переходный период классовая борьба не прекращается, а еще больше обостряется. Обдумайте старого боба боя не сдаваться...

Много говорили об организации культурно-политической работы, о культурном обслуживании волаковичей, закончив тем, что МПС есть сердце волаков.

Впечатление было громадное. Все бымы нахвалитывались. Каждый дулма: «Действительно верно, действительно так...»

Имя Селепов, бригадир второй бригады, информировал вторым. Всегда растерянный, он на этот раз авторитетно к чему-то, смял толстую цыгарку и оного похвастался плавающим...

Эта пустая говорыня опытно-таки взята из произведений всех трех авторов.

Что принадлежит Кузнецову, что — Дрогачеву, что — Яковлеву? Смысла, языка, приемов одни и те же. И наш произвольный монтаж читается как одно целое.

Может быть, авторн, оттакавшись от жизни, в который так еще много собранн, никак не могли их избывать, но зато хорошо изобразила природу и психологию своих героев?

Вот природа:

«Косой залоченный угол целовал его лицо. Перед самыми глазами бойко чиркавал воробей, зеленые редкие ветки топола качались в окне, как бы пошевелив его (какие сознательные ветки! — Н.Б.). Белье алыми пламами по Виславке. Как живые, алыми тельниками, боролись, оттакавшись одна другую, спешимы, спешимы...»

Дальше, конечно:

«...Живородец зрелищан, как серебристые колокольчики. С полудня поднимался голубоватый прозрачный пар».

Цитата снова составная. Где Яковлев, где Кузнецов? Угадывает!

Еще цитата:

«Цыгановка теперь была в черном плаще, в черной бейбете — прелевая, румяная. Она говорила быстро. Газета светилась».

Перед ним стояла молодая, полная сил, цыганка девушка. Простилась, но както особенно шиснее ей платье обтягивало взмывающую фигуру. Взгляд прямой, решительный...»

Авторы здесь могут помянуться «образом» девушки и пальто и «образом» девушки из «простого» платья». Переставшие из одного произведения в другое, они все же будут на месте. Ничто не проиграет. Одинаково плохо.

Очевидно, авторн сами понимают, что произведение, написанное так о политотделе, едва ли полетит в хол. Скучно — это бич нашей литературы. Скучно читать любого, своего, чужого, честного человека. И вот принудивается средство от скуки.

На широкой кровати, под теньюмиными белыми одеялом, сидела молодая женщина. Ее плечо и бедро двумя могучими волами задвигали одеяло. Мурлыкая из цыпочка подражая и постелам, поднимала одеяло. На него такуюду пыльным жаром. Женщина сила бз рубашки!»

Полобные картинн чн и салу, ни к горолу. Никакого значения ни для судьбы героев, ни для повести они не имеют.

Когда-то один учитель гимназии, вкладывая литературографические картинн в сваленные книги, прочитал гимназистов читать закон божий. Понев, неожиданно найдя такую картинку, ученик перелест книгу до конца! Зачем применять такие приемы в советской литературе?

Часть приведенных цитат принадлежит второму писателю Александру Яковлеву, вторая часть — неумолку, пишущему Кузнецову и, наконец, третья часть — молодому журналисту, перекладывающему на художественную литературу, Ивану Дрогачеву.

Н. К. Богданов.

Люди достаточно развиты. Но беда одна. Страна была: пошло, и нашей действительности как к чему-то скучному, бедному, что можно изобразить лишь открыванием одеда или обрисовыванием «комочками груди», как у Кузнецова, или «податанным телом», как у Дрогачева.

Означается, товарищи!

Яковлеву труднее: это книгу под названием «Опи в поле» отчитали в количестве 25 тыс. экземпляров. Ваши рассказы можно еще на бумаге. Их нужно порвать и написать заново да не один раз. Только на этом можно проинтер себя: действительно ли тебе интересно то, за что ты писал?»

«А мне кажется, вам самим трудно и скучно было даже перечитывать написанное. Имя Кузнецов выдумали бы: «А что, и, собственно, хотел сказать своим рассказом «Начальник политотдела»? Это все начиналось в поезде, потом на поле, потом дога заставала говорить. Поваляюми с девушкой, у которой «обозначившиеся груди свидетельствовали об «образовательности», и, не зная что с ними делать делаясь, зморна натянула женственность болельному... Затем называли из его места нового начальника, да разнообразия—женщины». Ни методов работы, ни того нового, что послы в деревню посадили Сталина, не подметит т. Кузнецов».

Много благополаучней у т. Дрогачева. На первый взгляд написано гладко. И собранн хорошо, и разговоры в оное произвостве, и в конце концов лентн Веса Чаусов, после того как ему дедом ибуу изглазил как гуляющей дельце, вывел на работу.

Но, т. Дрогачев, ведь это мрачное хулиганство—мазать ными делами! Хочу говорить как современная деревенская жизнь идет, а вы изображаете такое туманнство как политотделное делание. Не годится так слепо смотреть на действительность.

Все эти вещи порят совершенно неприглядный натурализм. И как ни печально, это оглавлено и бурно и малоромантично товарищу Кузнецову и талантливому писателю Александру Яковлеву.

Прощу не сердиться, товарищи. Я не профессиональный критик. Хочу говорить как производственный производитель, рабочий рабочему о качестве сделанной продукции.

Я написал это как человек одного с вами чуха, горячо любящий нашу действительность и делающий ее по-настоящему, по-истерски изобразить.

Я борюсь сам с собой ежедневно за письменным столом. Я не желаю никаких створ, рбу и пишу как политотделное делание. Я не желаю с вами. Только мушкетерной саморванной мн поднимает качество наших произведений.

С тов. приветом Николай БОГДАНОВ

Леонид Муханов,
б. секретарь экспедиции
„Челюскина“

Г Е Р О И С П А

1) Руководитель похода, начальник Главного управления Северного морского пути, профессор О. Ю. Шмидт, бывший членомыне рядо научных арктических экспедиций (1929 г.—Земля Франца-Иосифа, 1930 г.—Северная земля и 1932 г.—поход „Сибирякова“).

16 июля 1933 г. из города Ленинграда отправился транспортный парод „Челюскин“ под руководством коммуниста-поларника О. Ю. Шмидта и капитана В. И. Воронина. Обогнув Скандинавский полуостров, „Челюскин“ 1 августа прибыл в столицу Заполярья, город Мурманск, где принял на борт дипломатический запас угля, воды и погрузил пятидвигательский запас продовольствия, а также меховую одежду.

10 августа 1933 г. парод „Челюскин“ вошел в трудный полярный рейс, с тем чтобы провезти смелу зимовщиков на острове Врангеля, доставить туда двухдвигательный запас продовольствия, полярное снаряжение и строительные материалы для различных аэрообитных кампаний и расширения научно-исследовательских работ на острове.

Арктический рейс парода „Челюскин“, кроме сбора научного материала по гидрологии, гидробиологии,

аэрологии, метеорологии и т. д., должен был послужить проверкой того, возможен ли проход Великим северным морским путем для грузовых пародов-ледоколов, но специально приспособленных и обладающих алавыми жерелами.

„Челюскин“ в трудно проходимых участках предполагалось оказать помощь мощным ледоколом „Красин“, проводившим в это время первый караван судов Ленинградской экспедиции.

„Красин“ при сражении со льдами в северной части Карского моря частично пострадал, а „Челюскин“ без посторонней помощи не только прошел через Ледовитый океан, но 4 ноября вошел в Берингов пролив, по существу, повторив оловую поход „Сибирякова“ по северноростовому пути.

У островов Льюина перед глазами участников экспедиции открывалась широчай простор вод Тихого океана. Но огромное ледяное поле, в которое

вклинилась „Челюскин“, был неподвижен. Вязкий парод никак не мог разбить трехмильную ледяную В это время подали слышимые выстрелы таифуны, которые нагнали волну такой Берингов пролив. Под страшным натиском льда, а вместе с ним и „Челюскин“ стали отступать назад, в северную часть американской Арктики. Начавшаяся бесконечная рефр. Корабль в течение трех месяцев и лететь этой дала, что вывели ледяной на северовосток, но вырвался по Чукотскому морю сложены гитрические фигуром. Лед торосил деляные волны от сильных слыш влостную добрался до корабля в нормальную своей чудовищной слой мши борт от носа до котельного отделения. Корабль затонул в бешеном завороте, увлекая за собой заволоку шестерни, командиром Бориса Мизганя. Без помощи, провала безостановки, искусство, таскующую организованность дисциплины, полярники Сергея шестов

2) Парод „Челюскин“ первый выход из Ленинграда сделал в столицу Англии Копенгаген, где были взяты для всех советских полярных станций противоязвенные средства: лимон, лук и чеснок.

3) Самолет Ш-2 готовится к очередному полету над землями Арктики. Полярный пилот М. С. Бабичкин дает распоряжение своему попутнику, бортехнику г. Воловину. За время похода „Челюскина“ летчик Бабичкин провела 15 полетов вместе с О. Ю. Шмидтом и капитаном В. И. Ворониным. Самолет Ш-2 похода свои прекрасные качества в условиях севера. Ледовые сводки, полученные после ледовых разведок, в значительной степени облегчили командованию экспедиции выбор более легкого пути следования.

4) 22 августа 1933 г. в северной части Карского моря неожиданно пал curtain туман. „Челюскин“ шел вперед медленно и осторожно. Ночью корабль

остал среди дрейфующих льдов, в утром, когда рассеялся туман, перед глазами челюскинцев, с ледом борте, открылся остров, не нанесенный на карту в этот районе. Мелькование не позволило „Челюскину“ подойти вплотную к острову. Для обследования явки были отправлены две лодки-ледянки. Приходилось, пройдя небольшое расстояние, продвигаться вместе со шлюпками дальше, к ледяным полям. Главными экспедиции О. Ю. Шмидт лично руководил восточной научного отряда.

Открытый остров оказался островом „Удальниев“, который был нанесен неверно на морскую карту. Ошибка в 100 км была исправлена советскими полярниками.

5) 1 сентября 1933 г. у мыса Челюскин (самая северная оконечность арктического побережья) парод „Челюскин“ встретился с одиночеством свещ-

ским шло лед, киль пота лед, лед, бор

САЮТ ГЕРОЕВ

под руководством начальника экспедиции О. Ю. Шмидта в течение двух часов выгружали на лед заранее подготовленный аварийный запас продовольствия и меховое снаряжение. В последние минуты с борта были спущены два моторных катера, два леда-ледянки, а также был спущен без повреждения корабельный самолет «Ш-2».

В 130 километрах от чукотского побережья, на 68 градуса северной широты, на ледовую льдину раскинулся лагерь Шмидта. Участники экспедиции жили в деревянных бараках и фанерных плавках, построенных из материалов, ввезенных после гибели «Челюскина». Со всех концов Советского союза: Ленинграда, Москвы, Хабаровска, Владивостока, Ухален, Ванкарем и мыса Северного — к лагерю Шмидта, по распоряжению правительственной комиссии, были направлены экспедиции для спасения челюскинцев.

Из Петропавловска вышел пароход «Сталинград» с двумя легкими самолетами Ш-2 и из Владивостока. На пароходе «Смоленск» пять самолетов Р-5. Из Хабаровска был направлен самолет три самолета под управлением пилотов Водопьянова, Дороница и Галашева. Кроме того правительственная комиссия решила использовать возможность переброски самолетов со стороны Аляски, для этой цели были командированы в Америку тов. Ушаков и пилоты Слеснев и Леваневский, которые прилетели в Ванкарем из двух купленных в Америке самолетов.

В качестве резерва на север отправлен три советских дирижабля и мощный ледадок «Красия».

Самолеты, преодолевая туманы, пургу и метели, медленно и осторожно приближались к Ванкарему.

После героического полета Ливидера, доставившего в Ухален всех

женщин и детей, готовились к полетам другие пилоты. Летчики Каминин, Молоков, Слеснев, Володькин и Дороница в течение пяти дней вывели с дрейфующих льдов всех «челюскинцев» и доставили большого начальника экспедиции О. Ю. Шмидта на Аляску, в город Ном.

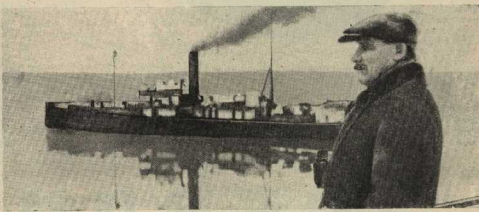
Лагерь челюскинцев в Чукотском море больше не существует! Советскими пилотами на советских машинах одержана багровая победа! Мир потрясен большевистским мужеством советских поларников, высоким уровнем авиационной техники и замечательными качествами советского пилотажа.

3 октября 1933 г., по распоряжению начальника экспедиции О. Ю. Шмидта, с парохода «Челюскин» под моим руководством была отправлена с острова Колочина на материк на четырех нартах (21 собака) партия специа-

листов, закончивших основную работу на корабле. Перед нами были поставлены задачи: доставить донесения, в полной сохранности сопроводить в Москву 4 пуда киноплёнки, а также установить ледовую трассу, выяснить наличие на чукотском побережье сочных упряжек и в случае необходимости, организовать базы для переброски последующих партий с парохода «Челюскин».

Нам предстояло с прибывшими мужчинами пройти 350 километров по льдам Чукотского моря и по берегу до мыса Ухален, где нас ожидала лодка «Федор Литке». Путь к Берингову проливу лежал через торося, глубокий снег, развалы, высокие горы, глубокие реки и непроходимые лагуны.

Кинооператор Марк Троиновский по приезде в Москву обработал киноматериал и вынул из архаив звукового кино дневник о походе «Челюскина». Отдельные моменты из него мы публикуем в этом фотоотчете.

лиши кораблями. За всю историю мореплавания мимо мыса Челюскин прошло десять кораблей, а в этом году — одиннадцать пароходов под советским флагом. Это лишний раз доказывает, с какой интенсивностью идет освоение далеких окраин Арктики. С одним из кораблей — «Словян» — прощались капитан В. И. Воронин.

6) Пройдя море братьев Литкевых, «Челюскин» спустился к югу. Вперед выдвинулись бесконечные ледяные поля с чирокоржковыми торосями. Пробивая ледовые перемычки, «Челюскин» 22 сентября подошел к острову Колочино, где, испытав первое сжатие, вошел в ледяное поле.

Здесь был обвален аврал.

7) Десять дней шли кропотливые, настоящие работы по освобождению бортов корабля от льда. Отряд подрывников ежедневно вокруг «Челюскина

производил взрывы амоналом. Выловленный лед отвозился на самодельных санях в лагерь торосовых полей.

8) 3 октября 1933 г. челюскинцы проводили на материк группу в составе 8 человек под руководством т. Мухомова. Пешему отряду предстояло пройти от острова Колочина по диким к мысу Дежневского 65 км по снежному торосовому полю и дальше 300 км по чукотскому побережью до мыса Ухален.

Передвигаясь по торосям, отряд настойчиво шел к берегу, за время коротких 5—10-минутных стоянок выискивая среди высоких ледяных тор дальнейший путь. Пурга, ветер, жара преследовали отряд. Наконец, с высоты торося замечено в тумане несомненное очертание чукотского материка. Земля близка. На снимке: руководитель отряда т. Мухомов и проводники-чукчи.

9) Первое чукотское селение, встреченное группой т. Мухомова на пути к мысу Ухален.

П. И. Чайковский
1840 — 1903

ЗВУЧАЩЕЕ СЕРДЦЕ

Отцу назвала его жемчужиной. Старое фортепиано, промыванное гальваническими растворами, неминуемо касалось к себе худшего престарелого мальчика, он любил забираться под его гладкое чрево, подпертое четырьмя пухлыми ногами, слушаясь в мягкое умеренно старинных тактовых звучаний.

В семь лет он уже пробовал письменно излагать свои впечатления, и первые слова в этих впечатлениях были посвящены музыке. Первое музыкальное произведение, которое он изложил в своей жизни, была маршевая ария Церарини из «Дон-Пуана» Моцарта. Он сохранил на всю жизнь любовь к этому могущественному мастеру звука. Величественный даром, свойственный этому композитору, составляла и в творчестве Петра Ильича Чайковского наиболее сызную струю. Однако следую поправку в нее внесла монументальная «философия» музыканта Бетховена.

Чайковский вышел из типичной буржуазной семьи — семьи дворянина, перестроившегося на капиталистический путь, — со всеми характерными чертами молодого русского промышленно-капиталистического уклада. Это и являлось отпочкован на его творчество, как ни старался избежать комментаторы сделать его выразителем удачно-дворянских мастеров.

Петр Чайковский родился 25 апреля 1840 г. в Каменско-Богородском заводе. Начальником этого завода был его отец. Сюзия ветуауска гудит и воплощенный в машинах, пробуждающий эту гудит

кавита были его первыми впечатлениями. Они породили в нем то гармоническое сочетание андической грусти и передовой европейской культуры, которые составляли тайну его музыки.

Музыка пронизала все его детство. Уже в пять лет он стал учиться игре на фортепиано, а в восемь — он читал ноты не хуже своей учительницы. В девять — он играл на фортепиано так, что взрослые pianists выжили на него с удивлением и завистью. В десять лет он уже сочинил свои фортепиальные фантазии. Он смотрел на них как на бедствие и вовсе не рассчитывал стать композитором. Добившись большой, почти виртуозной техники, он решил, что этого хватит для его будущего потребности светского человека, и мало-помалу совсем забросил о ней. Ростом и пристрастием эту перемену: музыка их не увлекала, не прельщала.

Он начал устраивать свою карьеру: ему прочли высокое положение в свете, которое дала его архидиоцессорская амплуа школа — Училище правоведения. Пятицать этой школой составляли толково петербургского высшего света. В девятнадцать лет, окончив курс, он пошел по традиционной дорожке николаевского режима — департамент министров юстиции. Кто мог подумать, что в широком департаментном чиновнике, заботившемся только о благоустроенности чистого своего ведомства, таится гениальный мастер, которому дается мирового признания?

Но, возвращаясь периодами в мир своего зыбкого-злого влюбленного, он не раз переживал тра-

гический разлад, объяснявшийся двойственностью его общественного бытия: музыкант или музыкант? Прокурор или композитор? Он яростно избирался на фортепиано, снова и снова проверяя себя: не изменила ли ему его музыкальная память, не ослабел ли талант, вызывавший тревожную эйфорию у его взрослых учителей? Но когда он, раскисавшись с родными, проронившим ему юридическую карьеру, поступил в консерваторию, учителя раздуло призывом, что у него нет никаких навыков на успех. Старый мастер, богатейший виртуоз Кюнгингер, у которого учился Чайковский, махнул на него рукой и безучастно заметил:

— Посредственность.

В это время Чайковский писал своему брату Модесту:

«С Гашиню мне, может быть, не сравнится, но укажишь, что ты будешь гордиться рождением со мной».

Брат скептически улыбался, но молодое времяни слуха, должен был сойтись с отцом: рождение с Чайковским прославало даже его, посредственного композитора, но... хорошего биографа своего брата.

Консерваторию Чайковский окончил в 1865 г. с серебряной медалью. Его консерваторские произведения не обставил никуда исключительности, но в нем уже чувствовался мастер. И тогда Рубинштейн стал создавать Московскую консерваторию, одной из ведущих музыкальных дисциплин — программ. В Чайковском сразу угадал мастера настоящей европейской школы.

Первые его публичные выступления перед московской и петербургской аудиториями имели средний успех. Не проявил большого влечения ни его провая симфония, ни его вторая опера «Богородица». Как зритель Чайковский был признателен всем если не безостановочно, то во всяком случае, посредственным. И в его композиторской и в его дирижерской манере творчество, чинящего музыкальную аудиторию, гудит отдал от традиционной народности, провозглашаемых Глинкой, влечение к глубокой философской музыке передовой Европы. Этих и объясняет, что первый бурный успех достался на долю Чайковского не за его композиторскими произведениями, а за его «И больно и сладко», «Слова дождит», «Ни слова, о друг мой». Сентиментализм, составивший духовную поруку чинящего интеллигентности 60-х годов, гудит в этих романсах наиболее распространяется ее деонизм.

Зато «Евгений Онегин» был встречен единодушно, с удовольствием, но без восторга. Европейским музыкам Чайковского отступила от вкуса русского подлинному «обитатель» чьего-то тумана, не русским. Он казался отвлеченным в обстановке, когда повествование, звать и даже проявляющаяся и прихотливому ритму молнии буржуазности, а также и «русский самобытности». Но не менее того, как гостям элементы буржуазности в самой романсовой манере, по мере того, как буржуазия формировалась в ведущий класс российской империи, менялось и отношение к музыке Чайковского, променявшей мотивами передовой промышленно-капиталистической культуры.

Не помощь влюбленной мамы фон-Мекк, не трезвильная суббота Александра III, как пытаются утверждать поклонники биографов, объяснил им славу и популярности Чайковского. Звонким хлом вещей буржуазия могла была принять свою буржуазную музыку. Вполне естественно поэтому, что творчество Чайковского гудит в буржуазно-капиталистическом и оценено в России, а заграничной, на капиталистическом Западе. Чайковский и до сих пор бесспорно является одним из наиболее популярных композиторов в Западной Европе.

Конец Чайковского — трагический-яркий миг — отмечен в его творчестве вершиной его музыкального таланта — шестой, «патетической» симфонией. Он приключился по апрелю 16 октября 1893 г. Это было его последняя симфония. 25 октября он скончался. На этой симфонии, являющейся одним из величайших произведений русской и мировой музыки, наиболее четко являлось нечто, что не имело ни приключений, который составлял ее основную ступень его творчества: величие и могущество смерти, воплощенное в типичном для его творения, завершающем эту симфонию, величии, что приключилось в этом мире, класса, дерзнувшего вызвать к жизни могучие силы природы и обоготворенного поглотить так типично собственных артифактов, того класса, который формально созание Чайковского — русской буржуазии.

Эта безостановочность влассового сознания Чайковского вышла со выражением в его пантеизме, который уже присутствовал в его письмах к фон-Мекк. Чайковский, как правило, пишет ей: «И не сваяв коммюни узами с чертешью, с другой — я, подобно вам давно уже утратил зеру в дол-

П. И. Чайковский с женой в 1877 г.

мать... Я как и ты, пришла к убеждению, что если есть будущая жизнь, то разве только в смысле неопределимой материи и еще в эстетическом смысле вечности природы, в которой и составляло одно из микрокосмических явлений».

Этот пафос (правда, робкий и неадекватный) рождает его с Бетховеном, и правильно некоторые критики фигурально называют его «тетрачником» Чайковского «двухтой симфонией», подтверждая неразрывную связь между шестой симфонией Чайковского и девятой—Бетховена. Музыка мощных движений, пафос трагической борьбы, составляющий эмоциональную ступень Бетховена и Чайковского, рождает их, двух величайших мастеров. Они раскрыли на заре двадцатого века классические черты старости и обреченности.

«Я должен работать как ремесленник», — говорил Чайковский о себе, и в этом призывании была трагическая безнадзорность, охватывавшая всякого человека поколения русской интеллигенции эпохи безвременья. Подобно тысячам русских интеллигентов он метался между идеалистическим идеализмом «своего искусства» и жестокой реальностью буржуазной романсово-монашеской. И это трагично, неопределяемо, этот пафос нерешительной судьбы, это отличие исторической беспредельности его класса от величия своей редкостно-талантливой, стигматизированной музыки. Если нужны сравнения, то мысль необходимо обратиться в литературу к Чехову и в живопись к Левитану, этим гнившим в мастеровом человеческом истерии, творчестве которых как и музыка Чайковского было приглушенным сочетанием самой безмятежной лиричности и чудовищной безостановочной тоски.

Музыкальные истории короткоистебливают ищут в могучем творчестве этого гениального мастера его «классики», его формально-исторические истоки. Для одних он прямой предок величайшего классика — Феликса Делибуса, Россини. Для других — наследник ранних германских романтиков: Шумана, Шуберта. Третьи находят в его монументальной звучности классическую беспредельность Бетховена и Моцарта, и это верно, потому что его «шестая симфоническая» поднимается на уровень величайших симфонических творений Бетховена.

Четвертые образуют в это романское, сонорное буржуазное, камерное интимную лирику Шопена. Пятые открывают в нем эмоционального соратника французам Бизе и Мейснеру, потому что в отдельных реалистических полотнах («Мазепа», «Белый канкан», «Чернышка») Чайковский блестяще владеет выразительным этнографизмом этих композиторов. Некоторые критики склонны видеть в его творчестве даже влияние буржуазных новаторов Вагнера, Листа, Берлиоза или русской оперы.

Уже самим этот пестрый ковер теоретических предположений показывает неправильность всякой попытки приписать Чайковского к какой-нибудь ступени музыкального школьного эволюционизма, в лучшем случае, члени-членибу талантизма наследником. Чайковский сам по себе — школа,

оставляющая мучный след в русской музыке, оладотворившая целый ряд верховных мастеров, и поныне занимающих видное место в истории русской музыкальной культуры (Гарен, Аренский, Глазунов, Мясковский, Стравинский, Гинзбург и Скрябин). Да и в современных композиторах: Мясковский, Крейгер, отчасти даже в Прокофьеве — нетрудно проследить самые первые влияния мучной мелодии Чайковского.

Ничего необычного в том, что гениальное художник возбуждает вокруг себя такие острые споры. Если отбросить галузевую теорию «принципиальной неразности Чайковского рабочему классу (как увлечь в этой бессмысленнейшей «теории» плазмотомное отношение к Чайковскому со стороны Ленина или неизменный большой успех Чайковского в рабочей аудитории) то все остальные высказывания при условии своей протирочности, способствуя изучению и поощрению познаванию стилей этого величайшего мастера, и в этом смысле они исторически закономерны.

Если говорить об аристократической музыке, о помещичьем искусстве, о восприятии формально-русской романтики, то, разумеется, в значительно большей мере можно отнести это к «сложной культуре», как, конечно, не считать ярого бунтаря Мусоргского, находившего на левом фланге этнодома и бывшего в полном смысле слова антиподом таких реакционных эстетов, как Баденев и Кюи. Грубо, формально, геометрически и здесь нельзя проводить четкого водораздела, ибо и в аристократической романсии Римского-Корсакова имеется много черт типично-буржуазного искусства любой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

Каково же все-таки основное, руководящее классовое существо музыкального творчества Чайковского? Основное значение его творческой деятельности — с одной стороны, космополитизм и тяготение к большой мировой культуре, космополитизм и «проблема сердца» — грусть, страдание, вечная любовь, поиски счастья и всеобщая олимпиада — с другой. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

С кем же рождает его творчество эти идеологические черты? Прежде всего, разумеется, с русской культурой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

С кем же рождает его творчество эти идеологические черты? Прежде всего, разумеется, с русской культурой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

С кем же рождает его творчество эти идеологические черты? Прежде всего, разумеется, с русской культурой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

С кем же рождает его творчество эти идеологические черты? Прежде всего, разумеется, с русской культурой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

С кем же рождает его творчество эти идеологические черты? Прежде всего, разумеется, с русской культурой эпохи. Ничего исключительного в том, что и в творчестве Чайковского переплетаются стили различных классовых влияний. Гениальные представители эпохи всегда упираются в себе содержание различных классовых устремлений. Достаточно вспомнить хотя бы Пушкина...

Чайковский — один из самых великих мастеров музыкальной истории человечества. Он велик не только тем, что он для целого ряда величайших представителей искусства, первоначально по слову формальному мастерству (Бетера «Пиковая дама» и «Евгений Онегин», Ляля и шестая симфония, симфонические поэмы «Буря», «Фрагменты» «Римские», балеты «Спящая красавица», «Лебединое озеро», программа симфонии «Мальфиди», фортепианный концерт В-пол и т. д.). Он велик тем, что он для человечества музыкальной культуры человеческого сердца, он нашла те волшебные звуки, которые соответствуют интимнейшим душевным переживаниям.

Чайковский владеет неисчислимыми звуковыми красками, тончайшей мелодической выстройкой, дающей сложнейшую гамму чувств, индустрирующей слуху причудливую игру звуков. Как выходящий изнутри он колется в лабиринте человеческого сознания, порождая все его загадки на до-стигательный и богатый язык музыки. Чайковский, обладая выдающейся музыкальной культурой, вопреки авторской демократии «левых» музыкантов открывает перед слушателем неисчислимые красоты музыкального языка, более богато чем язык слов, он передает выходящую природу слушателя, посвящая его в самые сокровенные заветы чувственной природы.

Чайковский, один из величайших мастеров истории, стоит на вершине песенной, мелодической культуры: он бесконечно выстраивает все классическое, романтизм, русско-евразийское содержание являющееся под «народную» мелодию буржуазной музыки. Настоящий гитлер, мелодия, он давал нам образцы монументальных звуков, первоначально на языке песни и арии. И страдал, и радостно, и вместе Чайковский так, как свойственно чувствовать и переживать людям большого исторического размаха.

Чайковский — зовов мещанству и пошлости. Он весь — комплекс самой современной музыкальной культуры буржуазии. И так как мы берем от интеллигенции все лучшее, что есть в современной культуре, то мы узнаем и Чайковского, который был и еще долго останется для нас образцом первоначального мастера в самой сложной области искусства — в музыке.

Мы сумеем прололать и отбросить то, что характеризовало ограниченность его класса — его упадочную сорбю, в нем возьмем от него то, что составляет неопределимое очарование его истинного мастера: острейший язык музыки, величайшую музыкальную лирику, которую когда-либо знало человеческое искусство.

Корректуря оперы «Евгений Онегин», правленняя П. И. Чайковским.

Зимний физкультурный парад на площади Урицкого, в Ленинграде. Для парада площадь была превращена в каток, на льду демонстрировали пять тысяч конькобежцев.

ЕВГ. СИМОНОВ

СТАВЬТЕ РЕКОРДЫ

Недавно, на закате зимы, 50 тыс. москвичей до края заледеневший бетонный бассейн стадиона «Динамо» болельщики и энтузиасты наблюдали за сприндом, где законные в шеренге латы противники фехтовались секундами и порывал друг друга отрывками метрами. Лед, матушкой резаный, отшлифованной мехами, сверкал и слепил глаза. Три винтики, прибавившие за туманной Скандинавии, чувствовали себя на этом льду как форем в реке, да еще в их беге была плеск, округлость и мягкость, они точно плыли по ледяному руслу, на котором некоторые из наших мастеров коньки оказывали на мески.

В эти же дни рождерком коньки один из наших мастеров вписал новый мировой рекорд: он съехал на простях коньках 500 метров в 47,1 сек. Судьи оживленно комментировали победу, давая одно: спортсмен, хлещиний до этого на «бегашках», сознательно пошел на снижение класси-

са, на размер стипа, чтобы стать первым среди отстающих. Из-за такой победы спринт несоизмеримо поразили, мастер поторопил перед теми требованиями, которые ему предъявляла усложнившаяся техника, он шел до предела наименьшего сопротивления.

Король теннисных кордов Крауфорд играл однажды в мировом матче неслыханной ракеткой: это было линое сооружение, ублюдок вывальной силы «снегоуступ» с лопатой, которой сажали в печь хлеб. И невзирая на этот смертоносный смечетя и драйнам Крауфорда не могли противостоять удобные и грациозные ракетки его противника. В чем секрет?

— Ни в чем, — смеялся Крауфорд, — этой махиной играл мой отец, у него и я.

Он играл на вопрошающих, он доказывал, что решает крепкая спортивная культура, что рука и глаз первоклассного стиписта всегда одержат победу.

Достаточно пробовать сводки рекордов, чтобы увидеть, где и на сколько им отстали. За нас непрерывного бега наш стайер¹—рекордсмен Максимонов — проходил 17,5 км, лучший бегун мира финн Егунин в это же время укладывает феноменальную дистанцию — больше 19 км. Демяна в прыжке с работа пролетает 7 в, аночек Наму — около 8. Колье, брошенное Решетниковым, воткнулось в шестидесяти трех метрах от старта, бросок финляндца Ярвинен — 70 м.

Европейский прыгун, умело концентрируясь мускулы и нервы в одну прыгуню, владеющаяся тугом прыжком выше двух метров. Наша высота лежит на довольно низком уровне, она не превышает 185 см. Немецкая под см на 22 тыс. м в стратосферу легче прыжка на 200 см на стадионе? Потолок мира в нашей стране подняли прыжком чем лавку на стойке для прыжков.

первоклассного стиписта всегда одержат победу.

За короткое время мы сумели прижать нашему физкультурному движению огромный размах. Но по качеству, по рекордам наш спорт отстает не только от зарубежных достижений, его заторможенное движение особенно остро ралализирует, когда смотришь на другие участки нашей деятельности, где социалистическая страна держит небывалые рекорды мира.

До Октября самый резвый спринтер² России ходил стометровку в 10,8 сек., рекорд Советского союза — 10,7; а 15 лет наши спринтеры отовоевали у старого русского спорта одну десятую секунды.

И все же эти цифры не дают права говорить о нашем абсолютном отставании. Наш спорт неизмеримо маломе европейского и американского. Мы и русский работкой до Октября

явиться в фешиенбешном клубе лыжников или среди яхтсменов? Надо учесть и разницу в материальном оснащении инвентаря и стадионов. А наш инвентарь далеко не отвечает предъявляемым к нему требованиям. Но, ведь, качество инвентаря и дорожек — половина успеха.

Характерно, что зарубежные рекорды побивают нам подходят к ним выигрывают почти каждый год, у нас половина достижений, стабильности — на 5—10 лет, и это свидетельствует о некоторой усовершенствовании мастеров. Слаба квалификация спортивного состава, инструкторов и тренеров (впрочем, настоящих тренеров у нас почти нет).

У нас лучший в мире человеческий материал, и в том, что спортивные победы будут впереди, не может быть сомнений. «Динамо», культивирующее тяжелую атлетику, показало междувременный класс наших тиревиков. Касперович и Крамов в четвех двенадцатых имеют лучшие достижения чем Шейтэр, азиатский переносец Европы (у него 417,5 кг, у наших — 420 кг). Итоги нашего Спарра на целый пуг превосходят рекорды Шейтэра. Выставив заочно против Европы сборную команду наших тиревиков, профессор гиреваскиа И. И. Хайдин подсчитал, что Касперович, Спарр, Шейтэр и Штурм Повесят тогда на этом мате 12—13 очков, европейцам — 10,5.

В беге с норвежцами на «Динамо» и при поезде в Скандинавию чемпионом Мельникова побивала прежде всего сам Мельников (5 тыс. м на наших катках он проходил в 8 мин. 45,2 сек., зарубежной — и 8 мин. 30,3 сек.; 10 тыс. метров — 17 мин. 48,7 сек., в Норвегии он же — 17 мин. 38,6 сек.).

Освоив зарубежную технику и научившись тонкости ее стипа, спортсмены СССР свою силу и выдержку помогут на выигрывать рекорды в спорте.

Чем сложнее техника спортивного вида, чем больше он требует тренировки, собранности и американской дисциплины, тем мы оказываемся слабее. Прыжки и бег, бокс и теннис — здесь мы отстали больше чем в футболе или гирях. Наши революционеры, с точки зрения выносливости еще на ту сумку канюки, которые наша армия называет слагаемыми волевого командира...

Далеко с точки зрения спортивного аффекта десятилетия тысяч человеческой сил футболистов рстачивают на полях вступило. 11 лет назад сборная СССР выиграла чемпионат Скандинавии; 18 матчей было сыграно со сборными командами Швеции и Норвегии, с лучшими командами боровуных клубов — команда СССР уехала победительницей. А в те годы Швеция ходила в первой группе, примерно равной с Германией (над первой группой еще «встрахлалась» среди тех первачей — Австрия, Англия, Италия). После приезда в Европу молниеносных уругвайцев, футбольная тактика за 10 лет была перевернута: в наших старших английских традициях извернулись, а на наших зеленых полях до сих пор господствует отставка футбольная тактика.

У нас есть виртуозы защиты, есть килеры, одним своим присутствием запаривающие ворота на закон, но анимация, только сыгранных и ведущих весь матч знаями, когда дайте форте — поймают, тогда дайте медаль — тачку слаженности у нас нет.

Кроме выдержки футболист должен иметь быструю спортивную сообразительность и владеть искусством рывка (качества спринтера). В истории Уругвая каждый из «сиднаватиди черт» проходил стометровку резвее двенадцати секунд; наши мастера сборных бегут эту дистанцию не бы-

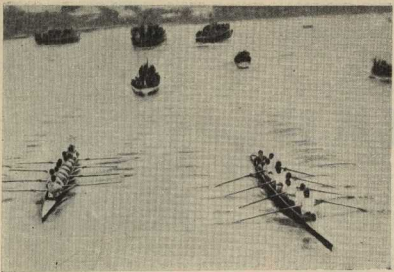

Международные конькобежные соревнования в Москве, СССР — чемпион СССР Яков Мельников, справа — чемпион Норвегии Г. П. Энглостанген.

¹ Спринтер — бегун на короткие дистанции.

² Стайер — бегун на длинные дистанции.

Ежегодные гребные состязания на Темзе между командами Кембриджского и Оксфордского университетов. На снимке: финиш. Оксфордская команда пришла первой.

стрей 13 секунд. В прошлом году участники сборной команд вытормозили на 60 минут (нагрузка профессионала). Справляется, когда же им было тренироваться, разучивать тонкости номинаций, пестовать коллективы сборных, а также команды, которые спидделавно называют сборными.

Наш футболист в спортивном отношении малоактивен: он ползает по головам, чтобы поддаться в облаке хорошей шут, но обдумывая игру, плавно вращать ее выигрывает ненужной роскошью.

Человек, отнесенный капитализмом в каменные клетки городов, утратил привычно гармонично свои движения. Тяжелое бегает и прыгает люди, отделившись от первобытного человека стеной некоей Ледяной Атлантиды, и даже призваны восстановит эти утраченные качества. Замечательную гармонию биалических дисбалансов мы должны попытаться восстановить движением, расщепленную тренировку, этим диспетчером спортивных функций человека.

Лаазарь Моисеевич Катанович говорит: «Споры женщины служат: надо усмирять работу среди мужчин». Советские спортсменки могут уже сегодня заставить об этом помыслить господ. Недавно Брейтан показала в беге на 1000-метров 2 минуты 22,8 секунд — лучшее европейское время за сезон. Прыжок Шамановой на высоту 155 сантиметров, а Карпович на 150 — международные прыжки. А наши бегунья, метельники и прыгунья похвастались нечем. Если в 1926 г. Решетников в Париже метнул копье лучше французского рекорда, то за последние годы наши метатели доминировали последними местами. Легкая атлетика — в тяжелом положении, это доказывают факты.

Спортсмен-универсал, лучший наш десятиборец Демин — рекордсмен барьерного бега и прыжка в длину. Прозной весной, благодушно гаяла на глубокое небо, водители Московского совета физкультуры провозглашали расцвет легкой атлетики, и Демин расцвел, массивную свою кривоногую. Но организационные неадапты бистропальной тень Демину (считая выезда) пришлось довольствоваться 2—3 соревнованиями за сезон. Футбол диктаторствовал все выходные дни. Спортсмен по выводу, универсальный тренер, мастеру легкоатлету надо в среднем выступать 15 раз в сезоне).

Чемпион мира по французской и вольно-американской борьбе Збышко-Цыганович.

Яков Мельников, партия, советает работу по автобусу с учебной на вечерних курсах. Наши мастера заняты не только своими мускулами — и не можем этим гордиться, но гордость будет пустой фразой, если жизнь мастера спорта в стране с плавающим хозяйством выполняет благодушную комету, траекторию которой изменить невозможно. Смешно на стадионе толковать о канцелярско-бюрократических методах, но у нас трещается именно так: в общем и целом, всему и ничему.

В стране советов 6 миллионов граждан — физкультурники. 1 000 тысяч из них, став атлетами физкультурной армии, надела нагрудки «ТГО». На нем отчеканены стремительно бегущие вперед физкультурники: они уже пришли встапу с рапортом о количестве атлетизированных в миллионы. Стремление к технике наладки, а средний уровень нашего физкультурника достаточно высок, чтобы он мог быстро выработать нужную класс. Чемпионы буржуазного спорта на девять десятых профессионалы, амаль, торжествуя своими мускулами и профессиональными достижениями в миллионы для выработки рекордов. У нас

Японец Тсудура установил мировой рекорд в плавании на 200 метров

Чемпион мира по конькам Стансруд.

Спорт — гармоничный элемент обобщения профана человека, там — уродавший парост, преисподняя человек в сапожью лошади.

На санях одомашненной игры с Фларом, на амплоном переходе Искиты—Москва молодые советские физкультурники продемонстрировали свой высший класс. В теплых легких вида спорта, в профиле каждого вида спорта мастера как в части отражения природы целому, природа всей физкультурного движения. Это движение огромно, им захвачены миллионы, таких масштабов еще не было нигде и никогда. Но вся эта громадная масса выключается за бортом. Сейчас ее вводят в русло борьбы за спортивную культуру.

Всезна распахнул ворота стадиона, валил синал ледяной забрало. Шурдору, мастерство идет!

МАСТЕРА СПОРТА И РЕКОРДЫ

ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА (мужчины)

Бег	
100 м	10,7 с. Корневко 1929 г.
100 м	10,3 с. Вильяне (Канада) 1930
200 м	24,1 с. Делуэ (США) 1932
400 м	46,2 с. Купр (США) 1932
800 м	1,5 м. 27,6 с. Делуэ (США) 1932
1000 м	3,4 м. 17 с. Делуэ (Финляндия) 1932
1000 м	3,2 м. 34 с. Максутов 1918
1000 м	3,2 м. 08,2 м. Мужи (Финляндия) 1928 г.
Эстафета	
4:100	43,5 с. Сборная Москва 1928 г.
4:100	40 с. Сборная США 1932 г.
Прыжок с местом	
3 м 88 см	Балован (США) 1932
4 м 34 см	Грабер (США) 1933
Метание	
Диск	
43 м	Ованесов 1933 г.
43,23 м	Делуэ (США) 1930
Копье	
63 м	Решетников 1925 г.
76 м	Ярвинен (Финляндия) 1932
Десятиборье	
(Сумма бега, метаний и прыжков)	
8802 очка	Демин 1928 г.
8802 очка	Балован (США) 1932
ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА (женщины)	
Бег	
100 м	12,5 с. Шаманова 1928 г.
100 м	11,9 с. Волосович (Польша) 1932
400 м	1 м. 01 с. Кузнецова 1928
800 м	2 м. 22,8 с. Васс (Англия) 1929
800 м	2 м. 22,8 с. Райбер 1933
800 м	2 м. 16,8 с. Фалк (Германия) 1933
Прыжки	
Высота с разбега	
155 см	Шаманова 1928 г.
165 м	Злакей (США) 1932

Метание	
Диск	
36 м 80 см	Тулова 1931 г.
42 м 42 см	Вайль (Польша) 1932
Копье	
32 м	Иванова 1928 г.
32 м	Брюкманс (Франция) 1928
Плавание на открытой воде (мужчины)	
Вольный стиль	
100 м	1 м. 04,1 с. Китнес 1930 г.
100 м	0,7 с. 07,4 с. Вейсмартер (США) 1929
Я в б р а с с	
100 м	1 м. 16 с. 18 с. Остев-Свенн 1931 г.
100 м	1 м. 13,6 с. Китнес (Франция) 1932
400 м	5 м. 59,2 с. Остев-Свенн 1930
400 м	5 м. 20,2 с. Раймберг (Германия) 1929
С в я з а н	
2:0 м. 2 м. 56,5 с. Кузнецова 1932 г.	
2 м. 32,3 с. Коас (США) 1932	
Плавание (женщины)	
Вольный стиль	
100 м	1 м. 20,2 с. Федорова 1929 г.
100 м	1 м. 05,6 с. Малков (США) 1932
100 м	17 м. 26 с. Есаулов 1932
1000 м	14 м. 48,8 с. Малков (США) 1931
Я в б р а с с	
100 м	1 м. 35,5 с. Кузнецова 1931 г.
100 м	1 м. 25 с. Яковлев (Дания) 1932
400 м	8 м. 11,6 с. Прохуркина 1929
400 м	6 м. 38 с. Катенин (Польша) 1932
Копье	
50 м	45 с. Волосович 1929 г.
53,0 м	8 м. 45,5 с. Мельников 1919
1030 м	17 м. 49,7 с. Мельников 1929
Рекорды, поставленные на закрытых матчах	
500 м	44 с. Элиасен (Норвегия)
600 м	8 м. 30,3 с. Мельников
700 м	8 м. 19,2 с. Жойден (Голландия)
1000 м	17 м. 38,8 с. Мельников
1000 м	17 м. 17,4 с. Катенин (Норвегия)
ПРЫЖКИ НА ДИЖКА	
Хорьков СССР	44,5 м
Британь Корей (Германия)	80 м

Фот. Д. Гущина

ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕРШИН

Подвиг Евг. Аболакова

Воскожеледые оючено. Трое штурмовиков спускаются вниз, в ледниковый лагерь, откуда велись осыда и штурм вершин. Это «вниз», впрочем, весьма относительное: лагерь расположен на высоте 4600 метров.

Сидя в своей палатке, Горбунов задумчиво рассматривает мертвенно-белые, отороченные и окровавленные павшим снегом хол. Мы тихо догадываемся о его наглядности героической победы.

— Когда-нибудь,—говорит он,—лучше тогда немного удавится весь этот сумбур вешалки... Но Аболаков... Аболаков, Эго—эпононим сына Сталина. Хрибство о плохотвие, Емгу мы обилием успехом и живию.

В соседней палатке неподвижно лежала Гетье. Сердце, распянутое страшным трехкилограммовым грузом на высоте 7 тыс. метров, работало с перебоями. Он все еще не мог признать фидки. С трудом выдавливая на себя отдаленные слова:

— Аболаков... феномен... железный человек... машина...

А славному пива Сталина в это время блаженствовало, рстившись на большом камне и позволяя крепко сбитое, покрытое рыжатым волосом тело плавным лучом горного солнца. На его лице, обросшем густыми морщинами по все стороны борозды, не было следов страшного, нечеловеческого напряжения и усталости, которые легли на лица Гетье и Горбунова проваливая себя, морщинами и темной синевой гланд. Только когда в палатку со скалах била савна проваливая морозом.

Мне он некогда не напоминал Авова. Медвежий казался он мне, приземистым таским медвежоном, этот коренастый, упористый сибиряк, со своей развалистой походкой, с жесткой, алой мускулатурой и безмятежным взглядом голубых глаз. За три месяца трудного и опасного похода ни раз ни видел его усталым, сердитым, раздраженным.

Пик Сталина поперечному выискал перед нами мощным массивом камня, льда и фирна. Поперечные грани его осветленные отражали солнце и вносили в скалы страшного восточного реба. Но спешный великий похода, для нас обилие своей стрелковости: юга Аболакова ступала на неустойчивый его вершин, и где-то в белых просторах фирна пропал установленный Геттиным и Аболаковым метеорологический станция, отмечавшего силу и направление ветра и передающего свои записки автоматическим радиосигналами вниз, на обсерваторию на леднике Федкина.

Победа над горой давалась нелегко. Осыда и штурм длились полтора месяца.

Аболаков, Гетье и Гущина поднимались по огромному леднику, вытекающему на Мулдым массив восточным и южным ребром пива Сталина. Медленно, шаг за шагом брали они крутой белый бугор, вбивая в платный фирн острия козел. Так же медленно пошла вперед по скалам ступа шеренга, поламывающая высоту: 5000—5100—5200.

Ледник поворачивает направо. После поворота начинается авлажный участок глетчера. Огромные сложенные карнизы нахлестли над обрывом фирниной полей, соединяющих южное и восточное ребро. Сотни тысяч тонн снега и льда висят над кручей, готовые извернуться стремительным обвалом и похоронить под собой три заветных фигурки. Мы перебрались на южном руде глетчера. Альпинисты продолжают подъем, восходят к крутым скалам. 200 метров по каменной круче, и мы на маленькой площадке. Здесь стоит три палатки — лагер «5600».

С трех сторон—обрыв. С четвертой, на 800 метров вверх,—крутое скалистое ребро. Это самая трудная и опасная часть пути на вершину. Километром пропити развзвояются по обе стороны ребра. Шесте жандармов—шесте саналкты массиво—встает на ребро отнесенным стенам, приглядывая előre. Через них надо перелезть. Скальные свла предельные рыма. Каждый уступ, каждый казень грозят обвалом.

В сущности, даже неизвестно, можно ли преодолеть последние массивы: при прошлой годней экспедиции Горбунова и Гетье поднимались только до подошвы третьего.

Но другого пути на вершину нет. Надо форсировать страшное ребро, дерзнуть с него по узкому сложному ребру на огромные фирниные поля и по изрванным переходам этих полей добраться до подошвы третьего.

Аболакову, Гущину и Гетье предстояло «обработать» ребро: найти самый легкий путь по массивам, бросить все плазо ледяной массы, а в наиболее трудных местах вбить крюки и закрепить веревки и веревочные лестницы.

Предстояло, кроме того, поставить промежуточные лагеря: на высоте 5900 метров—между вторым и третьим жандармом, на 6400 метров—на фирне, над ребром и на 7 тыс. метров—у подошвы 4 вершин.

Тогда по ребру смогут пройти посылания, неся вверху тяжелый самонавес. И тогда штурмовая группа, выдвигаясь от лагеря к лагерю, сумеет, быть может, преодолеть нечеловеческие трудности восхождения и достигнуть вершины высочайшей в СССР горы, вершина возвышается на 7495 метров над уровнем моря.

Первую попытку «обработать» ребро сделал группа в шесть альпинистов. Они вышли на бой с горой. Но погит, сорвавшись со второго жандарма и сплывавшись вниз по фирниному склону, веселый Коля Николаев; при поисках его тела протрудился и заболел воспалением легких Юс Хараминцев, выбыв из строя, потрясенный гибелью товарища и безжалостно сыны Хараминцев старший, Горбунов и Шиняев с самонавесом били еще где-то в пути к ледниковому лагерю, Цак в маршуте с топографом отряда.

Продолжить работу остались трое: Аболаков, Гущина, Гетье. Альпинисты связываются веревкой. Первым идет Аболаков, вторым—Гущина, третьим—Гетье. Быстро прошли первый жандарм, митовалов сплывали между первым и вторым, очень осторожно подвигались по сравнительно нетрудному второму жандарму. Самиком свежа в памяти картина смертельного похода Николаева.

Закреплены веревками на втором жандарме. По узкому крутому свешку поднимаются в третий. Здесь надо найти место для лагеря. Это кажется невозможным: нигде поставить палатки. Находят трещину на фирне, вырубают на ней площадку.

Третье жандарм трисек Аболаков идет первым. Малайский выступ скалы, аля заметная скала—все используется как точка опоры.

Наклонив веревку на выступ скалы, укрепившись в устойчивой позиции, Гущина снизу стучит Аболакова. Если Аболаков сорвется, он проле-

Евгений Аболаков.

тит вниз на длину веревки и задержится. Обрывается, упадет, но не погибнет. Рядом с Гущиным стоит Гетье.

Когда Аболаков поднимается на длину веревки, он закрепляется и в свою очередь стучит Гущина. В трудных местах вбивает в скалу крюки и на него накладывает веревку. Гущина поднимается к Аболакову. Затем подвигаются и Гетье.

К вечеру обработан третий жандарм. Несколько часов труднейшей работы на высоте 6 тыс. метров утомил штурмовиков. Усталые спускаются вниз к лагерю «5600», где их ждут посылания.

5 августа посылания забросила палатки к месту лагеря «5900». Кирота Зенер заболела горной болезнью. Его пришлось отправить вниз.

6 августа установлен лагерь «5900» и принята половина четвертого жандарма. Вечером заболела оставшая двою посылания. 7-ю они спускаются в ледниковый лагерь. Альпинисты готовят обработку четвертого жандарма и вышкал к подошве пятого.

Нервистым отосом доминк скалы высилась над ними пятый жандарм, прекращая путь к вершине. Казалось, он клал конец всем надеждам на успех восхождения. Неужем придется отступить? Неужем диагноз земного геодезиста Финстервальдера, утверждавшего, что с востока на пик Сталина подниматься нельзя, окажется верным?

С таземал сердцем вернулись альпинисты вечером в лагерь.

На другой день вышли на штурм пятого жандарма. Делать неучам пришлось поодиночке, одна пиди Гетье. Аболаков делает отчаянную попытку подняться к небольшому уступу в стене жандарма. Попытка удается. Уклонился от сплывания под ного Аболакова камень, стучит его Гущина. Аболаков—на уступе. Едва заметные неровности дают возможность проломать подьем лосем траверсом. Отбивая авлажный метр пути, продвигается Аболаков вверх в вершину. Он висит уже не над ребром, он висит над километровой фирниной кручей. Он срывается за выступом скалы.

Несторое время сплывались лишь шум падающих камней и гула молотков по льду, движущему в скалу. Очевидно, Аболаков висит метр, где можно закрепиться. Потом слышит его голос:

— Леся!

Гущина начинает подым. К поясу у него привязана вторая веревка. Она будет нахлесту задерживать

Лагерь на высоте 5600 метров. Слева—Аболаков, справа—Гетье.

на траверсе. В следующий раз альпинисты пойдут на двойной страхове, нагнув веревку веревку карабин, а шланг, в прочные посы.

Гудин поднимается к Аболокову и закрывает. Аболоков идет дальше. Он берет отсыанный кушар—узкий комол в склад. Он ухватился силой в один край комолы, комолы—в другой. Под ним пропал. Потом он снова скрывается за занесом скал. И через несколько минут Гудин слышит радостный крик:

«Гай! Прощай, жандарм! Улет!»

Гетье поднимается и Гудину, Гудин начинает бодет к Аболокову. Затем на двойной страховке идет кушар Гетье.

Альпинисты стоят на вершине пятого жандарма. В бивуаках прославляют они путь по большому, но более легкому шестому жандарму. Выход на фирн вполне возможен.

Путь для восхождения открыт.

3 сентября. Два маленьких павлате на высоте 6900 метров. Ледяная пустыня фирновых полей. Из шести человек, вышедших на штурм, вершины, четверо выбили на спуск. Ушли вниз Гудин с разбитой рукой, заблудивший Шамков и Цань болящийся обморозить ноги в слишком тесных шелкахотках. Третий день без движения, не принимая пищи и воды, лежит в павлате Гетье. Поле—привидение, дией штурма, шесть дней голодного поиска и три суток тумана и шторма при море в 45 градусах. Продуктов—одна банка консервов и одна пачка шоколада. Вершина близка—оно млеет, свежий снег на ней ослепительно сверкает. До нее лишь несколько часов пути. И всетаки надо отступать. Это требуют все правила альпинизма. Вторичное наступление тумана означало бы неминуемую гибель группы. Устаеме и помаленьку, они не спускают без продовольствия отсились в павлатках.

Но Горбунов решает иначе. Одна часть правительственного задания выполнена—прочесть установленное самосуда ую отменить слух и направленно штур. Надо выполнить и вторую часть задания—взять вершину и оттуда, с высочайшей точки СССР, разгадать последние загадки памирского белого штурма.

Аболоков и Горбунов надевают штурмовые костюмы, перепутавшиеся в ледяную брону. Они стоят рядом с большим Гетье кастриюло со снегом и сухой спирит. Они выходят в последний путь.

Белая пустыня поглощает их. Бескрайние фирновые поля перелетаны муть в вершинному грёбню. С огромным трудом добывают легкие мужиной организм кислород за разреженного воздуха. Каждый шаг требует усилий. После пяти шагов—отдых. Широкая тропинка превращает им дорогу. Ее удается перейти по фирновому мостику. На другом краю—крутой подъем. Потом путь становится легче. Но время от времени встречаются участки рыхлого фирна, где альпинисты проваливаются по колено. Аболоков идет первым, протопивая дорогу.

Солнце переходит zenith, а вершина все еще далека. В горах обманчива расстояния.

Но, наконец, вершинная грёбню приближается. Альпинисты разглагольствуют: тропинка больше нет. Аболоков идет быстрее Горбунова. Уходит вперед. И когда расстояние между ними достигнет ста метров, Горбунов видит рядом с Аболоковым... самого себя. Он протряхивает темные ледяные отцы—галопирует, вызывая утомлением и высотой, не исчезает.

Солнце клонится к заходу. Горбунов начинает бояться, что они не успеют достигнуть вершины. Он кричит, чтобы Аболоков отступилась. Надо вернуться к снегу шагну и ночевать. Только незначущее еще явление высоты на человеческую исканию могло породить такую мысль—звончаты в снегу без спальных мешков на высоте 7200 метров—начало через полчаса зануть навсгда.

Аболоков не слышит или притворяется, что не слышит. Он вышел к водноию вершинного грёбню, он начинает последний подъем. Он спешит и не рассчитывает своих сил. В несколько десятков метров от цели он падает в снег. В висках стучат молоты, раскрытый рот жалю тепло воздуха. Отданавшись, Аболоков пытается встать. Удается подняться на четвереньки и на четвереньках проделает последние метры пути.

Цель достигнута.

Аболоков стоит на вершине.

Под ним грандиозный макет величайшего в мире городского узда.

Снежною грёбню уходит в Афганистан, Индию, Китай. Белеме ленты гигантских ледников Фелденю и Турамус, расчерченные темными полосами морей, изгибаются в зурнуво селаметких пиков.

Солнце садится за горы плето внизу. С востока налетает облака. И фигура Аболокова, озаренная сплзу лучами солнца, отражается в них огромным силуэтом. Аболоков поднимает руку—визуальный двойник в облаках в точности повторяет его жест.

На северном склоне вершины Аболоков находит лавину. Он спускается из них тут и останавливается в нем концентрируя башку с залпосою о восхождении. В походный альбом делает наброски базисмалящих грёбню, вершин и ледников. Пробив на вершине овалю лучаща, начинает спуск.

Только седьмого сентября вернулся штурмовики в ледяной лагерь.

Восьмого им тропинка в обратной путь и заночевало на леднике Бивачном. Здесь я и геологизатор Калланд отделился от отряда. Мы решили посетить наблюдательню на леднике Фелденю. Это означало еще 40 км по мореним и альпам. Аболоков пошел с нами.

Ночью, в темноте, мучимые и устаеме, добрался мы до последнего подъема к наблюдательню. Навстречу нам вышел с фонарями рабочий и знакомый им: их прислал Аболоков, опередивший нас на час пути.

Читайте в следующем номере «Светлой» рассказ о падении ледников-комсомолецке Лейбштеного и Иамонига.

Начальник экспедиции
Н. П. Горбунов.

БОР. ЛЕБЕДЕВ

Сегодня под ветер
ко мне поступают
«Войдите!» — я кричу,
Вода моя зависть,
В ней роста —
сто семьдесят пять сантиметров,
Она
очень просто
и чисто одета,
В ледяном плаще,
не особенно новом...
Зовут ее!
Виктором Тагуэвым.
Ее
на единственный стул я сажую,
Она завалит мне:
«Я уезжаю.»

Мне с первого слова
понятна вся фраза,
И снова
я чувствую боль доотказа.
Да,
отамы врача
безусловно
был сдвиг
О легком мюк,
о трудной моей клетке:
«Вы первым вздохнете
в первом походе...»
Ступайте,
Мы вас призовем через годик.
И гостям моя
оту боль повежаст,
И зависть моя
портсигар выжмает...

Она угощает меня
шпиритом,
Но я не беру...
Я курить уже бросаю,
Она не обижена этим
ничуть
И радостно бьет меня,
по плечу...
В ней роста —
сто семьдесят пять сантиметров,
И спору в шпальде она
будет одета,
Как лучшему другу,
с которым прощались,
Я жму тебе руку,
хорошая зависть!

ИГРА

(Расовая „теория“ германского фашизма)

1. МИР ПРИНАДЛЕЖИТ БЛОНДИНАМ

Еще в начале XIX в. французский ученый Вилье, в трогательном согласии с библейскими сказаниями, сообщал, что все люди происходят от сыновей Ноа. Везде — от Яфета, мааидий и индийцев — немцы Симы и Хама, а все черные племена — прямые потомки нечестивого Хама. Негр чувствует, а не мыслит... Устроение их даже сходственно с орангутангами, — писал Вилье. Так рождалась теория «низших» и «высших» рас, подкрепленная капиталистическую повзвину грабками колоний и рабобладания.

Новейшие достижения преразвитой расовой «теории» очень популярны... у германских индусов. На улицах Берлина можно встретить сейчас индусов на груди у которых висит лоскутка с надписью «Нариндцы прошу не полагать». Беспорочно изучили берлинские уадуки ископаемые, такти образцов, жальничеству своих высших коллег, вызывая восхищение чистых германцев.

Кто же такие эти «ариндцы», которые проводили расовую политику? В 1808 г. измывком Шлегеля отрядил элементу скотства в рамках Германчии и Индия. Это дало повод к созданию целой теории о существовании в древности правящая — отца всех народов, родины которой объявил, конечно, Европу. На этом языке говорили, следовательно, «ариндцы», т. е. «благородные» расы, наследники Европу. Термин «аринд» позаимств от санскритского слова «Арига», что значит — благородный. «Ученые» этого толка пытались рассмотреть все историю культуры человечества как доказательство превосходства «ариндцев» и их ведущую роль в истории человечества. Непонятно допущен культурный а в Индии также обобщил прикормо туда «ариндцев», которые, расселяясь, несли с собой «великий связательный дух» своей расы.

Мир становится теснее. Аппетиты вытесняются увеличиваются. Его уже интересуют Сирия, Аравия, Палестина, населенные народами белых рас. Указавшая наука буржуазия предлагает свою крупу помощи... Среди белых выдвигают «ариндцы» — «сливки человечества» — и расы сортом похуже. Такими второстепенными расами были объявлены «кельты», «славяне» и др.). Но процесс усвоения становления расовой теории не закончился и на этом. Положение в Европе становится напряженным. В 1871 г. Франция провозгласила войну Пруссии. В обстановке истощающей реакции, когда салог прусского императора придала Европу, когда в Германии возмущены были, вступили руками версальских палачей, расовая «теория» получает свою окончательную отдушку.

«Проклятые индусы делают из короткоголовых рас первородных рабов, отбывающих новых носов, как только повторяют прежних: истинный, обидный только природе короткоголо-

вах и собак», — так писал французский адвокат и депутат в науке Ла-Пуш в конце XIX в. Что же это за «проклятые индусы» и о каких нечестивых «короткоголовых» идет речь?

Смерть длинную вышнего черня, помыслите се на сто и разделите на шпирину. Таким образом вы получите ваш индус — головной уадухаль, примененный в антропологии — науке о физических особенностях человека. Если полученное вами число не превышает 75,3, то все в порядке, можете считать себя длинноголовым. Если же полученная цифра составит 81 и выше, помыслите пеплом ваш злобный черня — он короткоголов и, если верит Ла-Пушу, выша участь печальней.

В полном соответствии с фактическим господством в Европе прусской вондичии Ла-Пуш объявил наиболее чистыми «ариндцы» расу длинноголовых, высосорванных блондинов — германцев. «Они — природные властители над другими народами. Они — даро, неразрушаемого мужества и неогнущийся силм, полные самоотвержения и верности, полные гордости и правдивости, сверхзрелый народ побуждено, которым в прошлом подобны лишь греки, а теперь нет равных и никогда вероятно не будет!» (Отто Аммон «Естественный облик у человека»). Так выделена кривая рожа прусского индустриала в зеркала буржуазной измываку.

2. ГРОВАЯ МОЩНОСТЬЮ «ЧУСТЫХ АРИЦЕВ»

Коричневые молодцы Гитлера, прийдя к власти, сажалась калужущующими восточными расовой «теорией». Прикрываясь ею свои злохородеющие приотворения к войне, они вешают миру о «великом духе» северной расы.

Однако, при малейшем свете истолковой науки, их мандал на первоуродство, удостоверенное расовой печатью, оклеиваясь трубеблещи фальшивой.

Под расой мы понимаем этническую группу людей, объединенных общими биологическими признаками. К таким расовым признакам относятся: строение тела, форма черепа, характер волосистой покровы, пигментация (окраска) кожи и т. д.

Ввиду множественности и неопределенности расовых признаков или классификация человеческих рас производится брать рас признаком, что ведет к большому расхождению между отдельными учеными. Так, например, Алишби (173 с.) различает 4 основных расы: белую, красную, желтую и черную, а Крауфорд делит 60. Наиболее правильно разделил человечество на несколько основных рас по отношению к цвету «кожи» — Волгана. Вот одна из возможных схем:

1. Шерстоловые: негритосы, бушменцы, бушменцы, бушменцы, негры и т. д.

2. Волнистошоловые: австралийцы, индоафрийцы, средиземноморцы, арабы, евреи, славяне и т. д.

3. Прямошоловые: египтяне, тюрки, монголы, японцы и т. д.

Разумеется, внутри этих трех основных групп имеется ряд подгрупп, отличающихся по ряду других признаков: рост, форма черепа и т. д. Буржуазные антропологи исходят из идеалистической теории плеистичности (множественности происхождения) человеческих рас. Постоянство и неизменность биологических признаков различных рас они выводят из основы своего учения. Это дает возможность им фантазировать о низших и высших расах и искать среди «высших» рас наиболее «чистые». Но, увы, даже не будучи марксистами, наиболее чистые в буржуазных ученых приходит к выводу, опровергнутому искусственным построения этих теоретиков.

Еще величайший ученый XIX в. Чарльз Дарвин писал: «Подвергается сомнению, возможно ли создать какой-либо привлекательный и постоянный вид для одной расы». В начале XX в. пово, Колумбийского умшарителя (САСШ) Вокс произвел антропометрическое обследование 6 тыс. евреев-эмигрантов, проживающих в Америке. Результаты этого исследования поразили, прежде всего, самого профессора. Оказалось, что их «волновой указатель» (индекс) стоял расовой «теорией» здесь изменился на два единицы, и короткоголовые евреи стали

более длинноголовыми. Изумленный профессор ваялся тогда за сиденьем, проинвазивцы в Америке, и тут получались обратная картина: у длинноголовых сивильянцев («ариндцев») «волновой указатель» изменился в сторону короткоголовости. Будучи честным, Вокс вынужден был заявить, что «форма черепа, которая рассматривалась как самый устойчивый признак черня, подвергается перемены в связи с переселением расы из Европы в Америку... Эти результаты так ясны, что если равные мы имели основание признавать постоянство человеческих типов, то теперь все говорит в пользу их изменчивости» (Битну Вокса в фашистской Германии сейчас сжигают наравне с «Классиками» Маркса).

Наконец, в 1924—1925 гг. немецкий же ученый Вейденрейх в своей большой работе «Числа и строение тела» приводит к следующему выводу, подтверждая их огромным количеством фактического материала: «Можно думать, что «чистые» рас вообще не могло быть... Можно быть уверенным, что человечество в этом отношении никогда не отличалось от современного, что расы вое время замесивались в постоянном равновесии и что соотношение и смешение рас одних групп с другими создавало новые варианты и разновидности... Таким образом приходится отлучать постоянство рас и возможность реального ограничения одной расы от другой внутри населения».

«Ариндцы» чистых кровей...

Вейденрейх был одним из немногих, кто осмелился в самой Германии водить голос против фашистских брадеев, но и то, опасаясь фашистского террора, он вынужден был предостерегать предельно в своей книге, где заявил, что он только ученый и в своей работе не преследует никаких политических целей.

Таким образом и сами «арийцы» и их «чистота», и сироката индеса— все оказывается чистым бласфом.

3. «ТОЛЬКО НАРОД — И НИЧЕГО БОЛЬШЕ»

«Расовая» фашизмая — отродье из смешения в «аучичево» и «философско» благае германского фашизма. Его официальной философией является сейчас учение антропологическо-экологического шлома, в основу которого легло учение так гравидное мухамеданство.

Дарвин в своем «Происхождении видов» впервые показал миру, что все живое и существующее на земле не было таким, как оно есть сейчас, от огня и до века, а прошло длительный путь эволюции. В природе происходит «естественный отбор». Выживают наиболее крепкие, приспособленные к условиям организма животного и растительного мира, могущие устоять в борьбе за существование.

Маркс впервые показал миру всю историю человечества как борьбу классов. Он проследил зарождение и развитие капиталистического общества и показал его тикую сердивую — то противоречия, которые неизбежно должны привести его к гибели. Учение Маркса стало боевой теорией пролетариата.

Буржуазные геоло-теоретики пытались противостать германскому догматическому учению, разведя тогда идеологический влад своего творчества, где повинавшая бабой была чуждинская фальсификация. Они обобрали Дарвина, взяли его теорию «естественного отбора», или механические элементы ее законы на человечество.

Таким образом, не сумевшая ни никакая хорошая переписка, борьба классов была ната, и перед восшедшим в взглядом антропологическое история человечества предстала как борьба рас, т. е. борьба между собой адологических видов человечества. Шулдерство буржуазной науки очевидно. Человек — действительно животное, но животное общественное, что и отличает его от всего зоологического мира нашей планеты. Ученые геминалово замечта, что история человечества начинается с того момента, когда наш предок начал в руки камень или палку, используя их как орудие труда. Именно труд и делает человека животным общественным. С появлением самых примитивных форм труда развиваются общественные отношения, складываются общественные, социальные законы. Зоологические, расовые различия здесь обрываются ничем не могут.

Но сумевший этим обстоятельством, левая антропологическая шлома делов состряпана из расовой «теории» и «естественного отбора» Дарвина некое философское месиво, которое стало придворным бласфом германских фашистов. Это валах принято шекотат жирные носом немцев бюргеров, на которых опирался Гитлер, добавляя вставка. Еще в 1922 г. в своей книге «22 апреля Гитлер заявил: «Нет и не может быть никаких классов. Класс есть и в Индии, и в Китае, и в Японии, и в Египте и в Риме, но у нас в Германии, где у каждого одинаковая голова, где все люди имеют одинаковую голову и одинаковую речь, здесь не может быть никаких классов. Класс есть только воров — и ничего больше». Имя «лодырь» заслуживает себе! Опираясь на Гитлера, но никак не в Германии, «Да здравствует единые расы!» «Да здравствует зоологический национализм господина Гитлера!»

«Да здравствует зоологический национализм господина Гитлера!»

Но рабочий класс Германии не даю себя обмануть. И тогда сотни тысяч людей с «одинаковой кровью», «одинаковой речью» и «одинаковыми глазами» были брошены в концентрационные лагеря и тысячи их были расстреляны «при попытке к бегству».

Несмотря на все старания гитлеровцев расовая «теория» оказалась плохим средством для тушения классовой борьбы.

4. ПУШКИ — КАК ВОЗВЕНЕ ПРИРОДЫ

Защита и оправдание войн — у той рои не менее привлекательный для фашистов вывод из «учения» антропосоциологов.

«Путь борьбы (войны). — М. П. все живое идет к победе тем, что всюду уничтожается непрочно, определяется дальнейшее существование пригодное и, таким образом, происходит усовершенствование расы». Такой путь, правда, кровав. Война является одним из неминуемых естественных законов. Наравне с борьбой за существование и война безусловно повелева (профессор Г. Николь «Биология войны»).

Что смеет утверждать, что войны — неизбежное порождение капитализма? Вперед! Кто возражает против пушек? Пушка — орудие войны. Война — естественный закон природы! Пушка — это явление природы! Раса должна познать свои силы. Да здравствует война!

Понимавшая такого рода «аучичево» эмкалами, германские фашисты акторадочно готовятся к войне. Свои империалистические мечты о присоединении Австрии и прибалтийских стран («Германский империализм» гитлеровцами о «единении северной расы». Свою классовую ненависть к Советскому союзу они мотивируют «расовыми» соображениями защиты «чистых арийцев» от «еврейской» доктрины Маркса.

Любопытно, что в последние время признаки чистого «арийца» славую извлекла свое «одоравливание». Некоторые чертеными штурмовыми готовы были уже измерять черепу своих руководителей и очень мало полагались на броню. А в насчетности извлекли «чистые арийцы» (превращение в своей ненависти к коммунизму) оказались бронятами. В том числе и такие «вожди», как Гитлер и Геббельс.

И вот в 1933 г. выходит «Северный миссал» — книга Гитлера, приравненного поидуривателя расовой «теории».

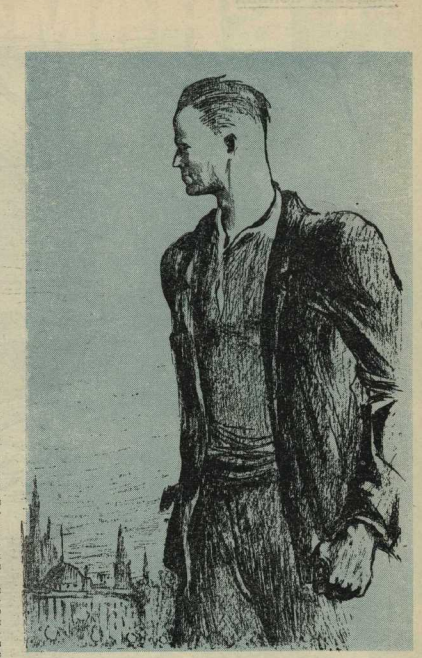
«Многие темповалеы и темповалеы являются более северными индийцами, нежели индусы, белее и голубее, и голубее», — пишет Гитлер. «Свойство северной души является спокойной силой, безрешительностью, решительностью действий, а не болатова и безумности и мелочности».

Недавно газета «Германия», подчеркивая усиление интереса Япония к «своей Германии», писала: «Национал-социалистические кружки с огромным интересом изучают германские методы борьбы против коммунизма, ликвидируя безработицу, решения крестьянского вопроса и т. п. Страна восходящего солнца имеет безудачные и сложные задачи, и общность интересов рождает дружбу».

Два крупных империалистических хитцаина обобрали друг друга и почитали в «индусский» авантюризм, пороки и живоний бумажки коммунистических листов. Так общность классовых интересов определяла родство их «расовых» душ.

5. БЕЗРАБОТИЦА — ВИНА БЕЗРАБОТЫМ?»

В 1934 г. в Германии действует в силу закон «О принудительной стеримизации» — лишение возможности

Признак «неарийцем».

детородения дефективных (инвалидов, глухонемых и т. д.). Естественно, что эти меры германских фашистов к «одоравливанию» расы являются колоссальное количество алуотреблений. Но «государство должно выступить как страж будущих тысячелетий, перед которыми война и особенность единиц — ничто» (Гитлер «Моя борьба»).

У несуществующего в тоишастах фашистской каузиастки человека может возникнуть вопрос: не полезнее ли для «обудущих тысячелетий» организация социального страхования, домов отдыха и санаторий, бесплатной медицинской помощи, борьба с такими социальными благами, как туберкулез, врачебная инспекция на предприятиях, поднятие жизненного уровня трудящихся всей страны? Но, проводя все эти мероприятия, фашисты перестали быть фашистами — это противоречило бы их классовой натуре. Свои классовые позиции в этом вопросе они пытаются все-таки маскировать «расовыми» соображениями. Все чаще и чаще миланония армия безработных объявляется «неполноценными» представителями германской расы. Расовые «теории» и здесь оказались помехой. В самом деле: если история человечества — «борьба рас», и войны есть «естественный порядок природы»,

то ведь и внутри каждой расы должен происходить процесс «естественного отбора». Таким образом безработица оказывается не «естественным» следствием капиталистического системного производства и кризисов, его порождающих, а «естественным» явлением природы. В своей безработице «инвалиды» сами безработные, они оказались «неполноценными» в процессе «естественного отбора» внутри расы!

Мы проследили путь расовой «теории» от первых ее ростков до наших дней в стране фашистской свастик. И все-таки, несмотря на все старания германского фашизма, она оказалась бессильной в борьбе с марксизмом — революционным учением пролетариата. И виллоу утро политической Берлина строят сотни революционных алуотух из «фальшивых» классов, на стенах домов, на камне памятников. И каждый день, в бессильной ярости, они мрут тысячи коммунистических листов, революционных городов. И никакие расовые и империалистические различия не помешали международному пролетариату вырвать болгарских революционеров из рук фашистских палачей.

Песня

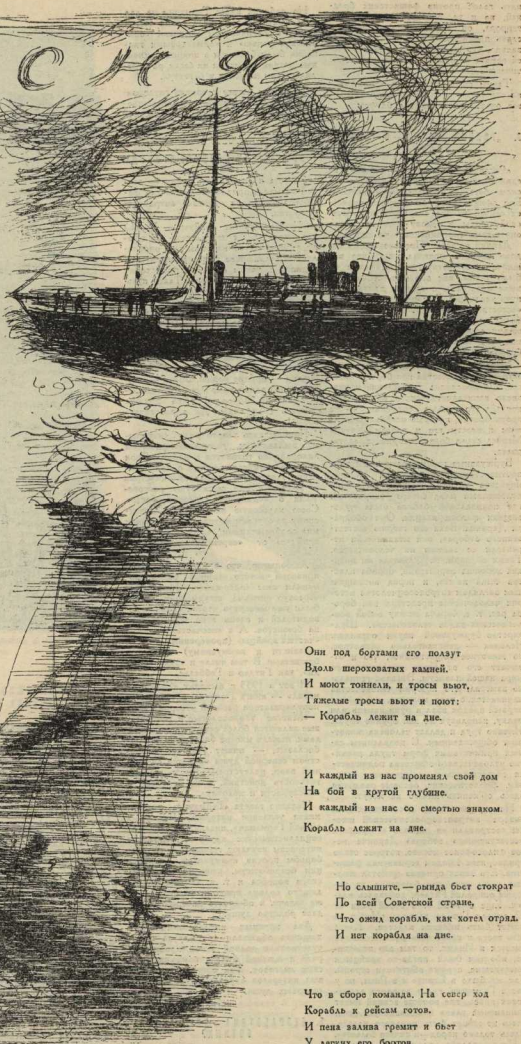
об ЭПРОНЕ

Быть может, все это приснилось мне,
Корабль лежит на дне.
И пена залива как ранний снег,
Корабль лежит на дне.

А мы на бортах других кораблей,
А мы на часах у мачт и реф,
Мы слугали счет часов и дней,
Корабль лежит на дне.

Подняти! Какой ни на есть ценой,
Другого выхода нет!
И им потерял страх и покой,
Корабль лежит на дне.

Мы самых отважных послали вниз
Войну объявить волею, ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~и~~
В резину и медь одеты они,
Корабль лежит на дне.

Они под бортами его ползут
Вдоль шероховатых камней.
И мост тонелев, и тросы вьют,
Тяжелые тросы вьют и поют:
— Корабль лежит на дне.

И каждый из нас променял свой дом
На бой в крутой глубине.
И каждый из нас со смертью знаком.
Корабль лежит на дне.

Но помните, — рывка бьет стократ
По всей Советской стране,
Что ожива корабль, как хотел отдрал,
И нет корабля на дне.

Что в сборе команда. На север ход
Корабль к рейсам готов.
И пена залива гремит и бьет
У легких его бортов.